

О ЛЮБВИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

© Коллектив современных авторов:
Литературный альманах «О любви»
(на основе конкурсных работ).
Выпущено под патронажем
Содружества литераторов России
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: Stella 2025; 103 стр.

Все права защищены.

© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-428-1

Verlag «STELLA»
Deutschland
2025

О ЛЮБВИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

ВСЕ В МИРЕ НЕПРОЧНО, КРОМЕ ЛЮБВИ

Только любовь настолько загадочна и настолько понятна всем. О любви мечтают, любовь проклинают, любовь ищут, любви боятся и жаждут. Любовь толкает на поступки, которые никто и никогда не совершил бы в обычном состоянии – люди преодолевают страны и континенты, бросают вызов родным, традициям и обстоятельствам; нет никого сильнее человека, объятого любовью.

Любовь поднимает нас на самые вершины, где сияют крылья ангелов, и бросает в извилистые ущелья, где дно плотно утыкано шипами ревности, обиды и ярости. Любовь дает самым серьезным молчальникам соловьиную речь, любовь запечатывает уста самым большим разгильдяям; она превращает в смельчаков – робких, в мягких – холодных, будто пудожский камень. Она, как известно, все преодолевает, милосердствует, прощает, долготерпит, всем верит, все переносит. Любовь дала бессмертие стольким строкам поэзии и прозы! Напомним некоторые из них!

«Мужчина хочет сделать из женщины грешницу или ангела. Грешницу – чтобы с ней развлекаться, ангела – чтобы быть им любимым с нерушимой преданностью. Но истинная женщина ломает его планы, ибо для неё нет ни греха, ни святости. Она – Ева».

(Анн и Серж Голон)

«Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самлюбия я не знал. Я перед тобою – одна молитва: «Да святится имя Твое».

(Александр Куприн)

«Как пусто вокруг, когда нет рядом существа, которое заполняет собою весь мир! Как это верно, что любимое существо становится богом! Как понятно, что бог возревновал бы, если бы он, отец всего сущего, не создал – а ведь это очевидно – Вселенную для души, а душу для любви».

(Виктор Гюго)

«Страсть... нельзя осуждать, нельзя и оправдывать; можно только описывать ее со все новым изумлением и невольной дрожью пред извечным могуществом стихий, которые как в природе, так и в человеке внезапно разражаются вспышками грозы. Ибо страсть подобного наивысшего напряжения неподвластна тому, кого она поражает: всеми своими проявлениями и последствиями она выходит за пределы его сознательной жизни и как бы бушует над его головой, ускользая от чувства ответственности. Подходить с меркой морали к одержимому страстью столь же нелепо, как если бы мы вздумали привлечь к ответу вулкан или наложить взыскание на грозу».

(С. Цвейг)

В этом сборнике, составленном по произведениям наших современников, которые участвовали в литературном конкурсе «Пишем книгу о любви», мы попробуем продолжить традицию описывать любовь, поскольку, как и прежде, понять ее умом не можем, а вот сердцем – понимаем, ибо, как точно заметил Антуан де Сент-Экзюпери – «Зорко лишь сердце!»

Светлана Романова
Ответственный секретарь
Содружества литераторов России

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ

Нина Гаврикова – писатель, член МПП. С 2005 г. – член ЛиТО «Сокол» при районной газете «Сокольская правда»; с 2014 г. – руководитель Международного детского литературного клуба «Озарёнок»; с 2017 г. – действующий член Академии российской литературы; с 2020 г. – почетный член Международной академии современных искусств, Москва. Живет в России.

Алексей Толстик (Волин) – писатель. Его сборник «Антология русской поэзии 2023» награжден оргкомитетом Пушкинской премии медалью «Александр Пушкин 225 лет». Пишет стихи, кроме русского, на английском и испанском языках. В связи с профессиональной деятельностью живет в Шотландии.

Виталий Кожемяка – писатель, член МПП, член Союза композиторов Израиля «ACUM»; Член Союза композиторов Канады и Северной Америки «SOCAN». Сотрудничает с поэтами Израиля, пишет музыку на их стихи, плейкасты, песни, баллады. Живет в Канаде.

Юлия Сак – писатель, член МПП. Заслуженная артистка эстрадных искусств Украины. Актриса, кинорежиссер, режиссер монтажа, поэтесса, художница, танцовщица. Автор и ведущая программ «Божий дар» и «Вундеркинд клуб». Основательница канала «Звезда Феникса ТВ». Живет в Украине.

Яков Каплан – писатель, член МПП. Окончил факультет журналистики Дальневосточного госуниверситета, работал корреспондентом, редактором отдела, заместителем главного редактора в газетах Приморья и Днепропетровска. В 2002 году репатриировался в Израиль.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

ВЯЧЕСЛАВ ДЕВЯТКОВ

* * *

Но и ты, для кого моя нежность уставшая светит, –
Из далёких миров, из подъезда, где прыгают дети,
Из минувших фантазий, из белого облака грусти,
Из прощального сна, где пылают погасшие люстры.
Из всего, что я знал, но забыл, и уже не припомню,
Мои вещие сны – каждый весит, наверное, тонну.
Ты меня не теряй, ты восстань из безмолвья и пепла
В этом городе, где моя юность светилась и крепла.
В этом мире чужом, где меня унижали и били,
Восхищались и ждали меня, и безумно любили.
Отзовись! Не молчи! Отзовись из далёкого рая.
Мне тебя не хватает. Мне темно без тебя, дорогая!
В чёрно-белых мирах я искал отгоревшее лето.
Ты не просто мечта, ты ушедшее счастье поэта.
В серебристом дыму тонут грозы, политика, войны.
За спиной у меня чей-то смех, чей-то плач, чьи-то стоны.
Но встают предо мной чьи-то лица, улыбки и тени.
Подожди. Не спеши. Дай услышать мне голос осенний.
Дай понять – для чего кружат в небе бездомные птицы.
Для чего мы живём, и не можем друг другу присниться.
От того ли, что встали на мелкой реке пароходы,
Унеслись, как листва, мои чудные звонкие годы.
От того ли, что дни от разлук и тоски потемнели,
От того ли, что плачут под окнами злые метели.
Так давай улыбнёмся, избавимся вместе от страха.
Я приду за тобой под волшебную музыку Баха.
В этой музыке всё, что выходит из сердца наружу.
Уходи. И вернись. И согрей мою грешную душу.

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА
ОБНАЖЕННЫЙ СМЫСЛ

Лицом к лицу, не пряча глаз,
Мы стали слишком откровенны,
Без облачений, без прикрас,
Друг перед другом, тлен с нетленным.

До неприличия близки,
До изнуренья неразлучны,
Ты держишь силой, по-мужски,
Хоть наши страсти и созвучны.

Бежать? Нелепая игра –
Куда ни кинься – ты повсюду,
Сегодня, завтра и вчера
С тобой я есть, была и буду.

Влеченья обнаженный смысл:
Ревнивей пылкие объятья,
Когда о расставаньи мысль
Горька, и нет противоядья.

Миры разделят наш союз:
Тебя не будет в вечном крае,
Соленый поцелуя вкус –
Мы друг для друга умираем.

Давай лелеять каждый миг,
Смерть только обронила семя,
Глаза в глаза, не пряча лик,
Мой преданный Любовник-Время.

ЕВГЕНИЙ ПРУДЧЕНКО
ФОНТАНЫ

Мы снова спим с тобою. В разных странах.
Да что там «в странах» – в разных измерениях;
где, наложив на прожитое вето,
встречаем в снах одни и те же сны:
счастливый город нежится в фонтанах,
спит август на томящихся скамейках
всецело исцелованного лета...
На сны легко смотреть со стороны.

Искрящаяся радуга в полнеба
в обнимку с улыбающимся солнцем
ещё мерцает. Теплится столетье,
уже сменяясь пасмурным. Январь
всё так же сжат ночами, но без снега.
Отары туч пасутся, где придется,
(я пропускаю это междометье...)
бетон и сталь вгрызаются в хрусталь.

Гарцует время, вечности не сдвинув
в проёме лет. Упадок сил приводит
в порядок сновидения. Отмечен
путь, пройденный осадками луны.
О туфельки бульвары чешут спины,
сомнамбулы в аллеях хороводят,
фонтаны спят, и вечер обесцвечен
неоновым журчаньем пустоты.

Процеживая нежно через сито
минувшее, я страшно удивляюсь
избытку чувств. Теперь они – не очень.
Эмоции, блюдя нейтралитет,
слагают полномочия. Избито
вопросом ухо – «Чем я занимаюсь?»
Старательно осмысливаю осень...
в дни отдыха пишу автопортрет.

Окружность, обрамлённая щетиной,
украшена улыбкой полуночной,
во взгляде – недостаток акварели,
в мечтах – избыток света, серебро
на бакенбардах. В снах с таким мужчиной
столкнёт судьба – вручаю адрес точный:
окрестность сорок третьей параллели.
Жду у Фонтана Времени, А. О.

ЛАДА КАРИЦКАЯ
Вокзал

Это козни судьбы – километры дорог,
За которыми – поступь событий и судеб.
Я играю с тобой – я играю с бедой.
Предначертано всё? Знаешь, хуже не будет.

Да не будет никак. Это только мечта
Или сон, что сдаётся улыбке рассвета.
Поезд тронется в путь. На ресницах – вода.
Партитура любви, позабытая где-то.

ГАЛИНА ШУБНИКОВА

* * *

А ты не жди, что я приду весной,
Мои слова январские не тают.
И до́лог снег, и в небесах витает
С горчинкою морозною настрой.
Я в иней превратилась поутру.
Не нужен мне поднос и чай горячий.
И слов не надо. Я молчу и плачу.
Вот так стоят и плачут на ветру.
А ты не жди. Я не приду весной,
Январского я слова не нарушу.
И только лоскуточка синевой
Всю боль свою на землю я обрушу.

КОНСТАНТИН ЕЛАНЦЕВ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА

Потухнет день, затихнет летний вечер,
На улицах пустынных никого,
Откроет дверь, шагнув ко мне навстречу,
Хранительница счастья моего.

Прижму к себе, её целуя руки,
И улыбнусь единственной одной.
Как хорошо, что долгие разлуки
Нас обошли когда-то стороной.

Едва погаснет зорька озорная,
И спрячет солнце тонкие лучи,
Зажжёт звезду любовь моя земная,
Которая всегда горит в ночи.

Пусть ничего нас больше не тревожит,
И я безумно счастлив от того,
Что нет на свете никого дороже
Хранительницы счастья моего.

АЛЕКС АЛДАР СЕДЕЛЬНИК
ВДЫХАЮ Я ОСЕНЬ

Вдыхаю я осень, слушаю тишину,
закутываюсь неспешно в красивый плед.
Творец для меня создал лишь тебя одну,
чтоб вместе жить, не старея, тысячи лет,
чтоб полем туман по утрам, как слеза роса,
а море дышало соленым в паре шагов.
Чтоб радовались, смеялись твои глаза,
пока мои губы сплетают узор из слов.
Объятья безвременья, тишь, глубина и глушь:
всё истинное живёт без страха, живёт в тебе.
Я счастлив как царь, как слуга, как отец, как муж,
пока наши руки качают времени колыбель.
И будут нам камни петь, светила – светить,
а время – листать главы жизней и щурить глаз.
Быть может, сады сажать и детей растить
светлее получится, лучше, чище – у нас.

ГАЛИНА ТАЛАНОВА
БЕЖИТ ВОДА, КАЧАЯ СВЕТ И ТЕНИ...

Деревья глядят тонкими руками
Невзрачных рыб,
Что прячутся в ветвях,
Укрытых, будто снегом, облаками,
Что всё летят куда-то второпях.
Ещё листки раскрыты птичьим клювом.
Им солнца луч стекает струйкой в рот.
И ветер пахнет ландышем и югом.
И воробьи на ветках – стайкой нот...
Бежит вода,
Качая свет и тени.
И чешуёй играет луч в ветвях...
Уходят в воду скользкие ступени...
Мы в этой жизни, милый, все в гостях...
А коли так...
Тяну к тебе я руки –
И в небе зависает крыльев взмах...
Нам так немного быть здесь до разлуки.
А время всё стирает в пух и прах.
Так обернись,
Объятая раскрывая,
Шагни туда,
Где лес шумел огнём...
Бежит река...
Вода в ней дождевая...
Всё отражает, словно окоём...

И облака, и лес, и нас с тобою,
Что развело к двум разным берегам.
И дерево прижалось всей корою
К воде,
Как мост, что тянется к ногам...

АНТОН ТЮКИН
ГОРОДСКАЯ МЕТАФИЗИКА

М. Я.

1.

Отчаянье пронзительно, как Свет...
Мучительное мира совершенство,
Грех плоти и болезни, море бед
Припомни и умри, войдя в Блаженство,

Которое, естественно, обман.
За оболочкой хрупкой атмосферы
Лишь вакуум – чёрный космос, как карман
Пустой, где прячет кукиш наша вера.

2.

Искать Невидимого, как забытый дом?
Он притаился за твоим плечом
С лопаткой острой. Поворот налево,
Второй этаж – и Смерть, как Королеву
Встречает паж...

Играй, Марыся, локоны крутя,
Опасное и странное дитя!
Твой город был чертовски далеко –
Там, где немногим дышится легко

Среди оленьих троп и лагерей,
Руин радиоактивных и зверей
На четырёх, а более на двух...
Откуда прилетела ты, как Дух.

3.

Теперь твой край, где схема – древа срез.
От сердцевины трещины – проспект,
И не один. Есть годовые кольца рек,
Каналов, улиц, клинья из деревьев.

Предмесья олигархов, этажи
Полутрущёб... А поверху кора,
Как ты – поближе к Свету. Расскажи
Про Маргариту! Нам ли не пора?..

МИХАИЛ ЛАНДА

* * *

Два невинных наивных создания,
Сидя в детском саду на горшке,
Уделяют друг другу внимание,
Горсть конфеток зажав в кулаке.

Улыбаясь друг другу, как взрослые,
Хоть и выпала тройка зубов.
Настоящее есть – нету прошлого,
Вот такая бывает любовь.

Прозвенели звонки переменные,
На экзамене в прошлом ответ,
И клянутся навеки быть верными
Под пьянящий бордовый рассвет.

Улыбаясь друг другу, как взрослые,
Всё понятно без вычурных слов.
Настоящее есть – нету прошлого,
Вот такая бывает любовь.

Суета. Суета и обыденность,
Всё заботы, работа, дела.
Жизнь – не жизнь, а обычная видимость,
Но Судьба двух прохожих свела.

Улыбнулись друг другу. По-взрослому.
Чувства вспыхнули с силою вновь.
Настоящее есть – нету прошлого,
Вот такая бывает любовь.

Пролетают года, вдаль умчавшись,
Время красит чело сединой,
И так хочется, крепко обнявшись,
Поделиться простой тишиной.

Улыбнулись. Уж боле, чем взрослые,
И друг другу в глаза взглянув вновь.
Настоящее лучше, чем прошлое,
Вот такая должна быть любовь.

Юлия Капустина

* * *

Сплетаться пальцами – одно.
А сердцем понимать – другое.
Когда двоим не суждено
Познать смирение мирское –
Никто из них не виноват.
Всё дело в огненной породе.
В чьём сердце этот жаркий яд,
Всегда одет не по погоде.
И так мы узнаём своих.
Взгляд – будто лезвие от бритвы,
Не спрячешь. Беспокойный стих
Свои безумствует молитвы.
Сбежать от всех и позабыть
Про все условности и толки.
И попытаться не застыть
Лишь томиком на книжной полке.
Беречь костёр, когда темно
И радость разделить с тобою.
Сплетаться пальцами – одно.
А сердцем понимать – другое...

АЛЕКСАНДР КЛЮКВИН
ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН CHELOVEK

Я хотел бы стать лучшим в жизни твоей
и дарить тебе радость бесечно,
но в пылу суматохи обманчивых дней
ты помчалась за счастьем по встречной.

И теперь ты не веришь красивым словам,
ты видишь в них ложь и двуличье,
но я никогда никому не отдам
твой образ до боли лиричный.

Как не хочется верить, что всё позади
и нет впереди хэппи-энда,
ведь нет без причины томленья в груди –
об этом слагают легенды.

А вокруг сотни тысяч таких же, как мы –
обманутых кем-то небрежно
живут где-то в прошлом, как в мраке тюрьмы
уже не питая надежды.

Но когда-нибудь, может, судьба повернёт
две жизни навстречу друг другу
и сбросит с души удушающий гнёт,
затмив новым смыслом разлуку...

Юлия Сак
ЭДЕМ ЛЮБВИ

Сколько сердце терпеть может горя?
Сколько сердце вмещает любви?
А какая бывает неволя
В миг, когда ослепляют огни!
Ослепляет краса человека,
Накрывает любви ураган.
Бесконечный поток ультрасвета,
Блики, тени и странный туман.
Нет границ у великого чувства,
В сердце тесно и душно ему.
Потому так бывает нам грустно –
Сердца стук объявляет войну.
Безграничность границами давит
Рамки, странности, «можно», «нельзя».
Обстоятельства, правила правят,
Из-под ног уплывает земля.
Где, когда и кого мы полюбим?
Может чувство и к умершим быть.
А бывает, любимых мы губим –
Тех, кого не дано нам забыть!
А бывает, что смерть разлучает –
Эта смерть для двоих настает.
Только кто-то наш мир покидает,
Ну, а кто-то со смертью живет...
А бывает виной расстояние.
Вновь звучит приговор: «Нет! Нельзя!»
Невозможность живого свиданья,
Боль в сердечке живем мы тая!

Разный мир и миры, возраст, страны и вера.
Заморочки, реалии. Правде в глаза.
И страшнее всего безразмерность барьера,
Где бессильны поступки, мольбы и слова.
Мы не в силах любви потоки разрушить,
Этой силе не властны давать мы отпор.
Только как свой покой, жизнь других не нарушить,
Не нарушить любви самый сказочный взор?
О, любовь! Ты приходишь ко всем, как виденье –
Нежным шёпотом души ласкаешь ты нам.
Это рок или благость? Погибель, спасенье?
Лишь любовь знает путь в Сад Эдем и к Богам!

АНАТОЛИЙ ЕРОШКИН
БЕЗРАССУДСТВО ЛЮБВИ

Их неумелая любовь
Сплетала руки, души, чувства,
Брал лунный свет под свой покров
Полночной страсти безрассудства.

Полночной страсти безрассудства
Кружили головы двоим,
Остановить признаний буйства
Не мог ни Бог, ни иже с ним!

Не мог ни Бог, ни иже с ним
Их осудить за богохульства,
Не мстила за любви экстрим
Молва, клянущая распутства.

Молва, клянущая распутства,
Затихла на краю села
И расчехлить свой меч занудства
Перед любовью не смогла.

Перед любовью не смогла,
И здесь ни капли нет кощунства.
Не зазвонит в колокола
Святая рать, без словоблудства.

Святая рать, без словоблудства,
Благословила – возликуй! –
Полночной страсти безрассудства
И неумелый поцелуй.

Яков Каплан
Только ты снизошла...

Вторая любовь, я не знаю, с какого ты взгляда.
Вторая любовь, и за что мне такая награда?
Вторая любовь, думал я, моя песенка спета.
Только ты снизошла, озарила озерами света.
Свежим ветром овеяла, наполнила душу полетом.
Вторая любовь, обещаю тебе не быть мотом.
И транжиром не быть. Буду скаредом непреклонным
я сидеть и трястись над каждым твоим фотоном.
Я не гордый, вторая любовь, и не привередлив.
Я и сам не пойму, почему не решался и медлил.
Пропускал, как автобус, набитый людьми
в душный вечер...
Вторая любовь, пусть ты новой разлуки предтеча,
но меня не кори за позднее это признание...
Ты, вторая любовь, ты пришла, как второе дыхание...

НИНА ГАВРИКОВА
КАРМАШЕК СЧАСТЬЯ

Опять расползаются мысли вразброд.
Часы на стене, как знаток-счетовод,
Считают минуты, считают года
От первых шажков до седого виска.
Всё так же спешат облака над рекой,
Над домом, где жил ты с большою семьёй.
Считая рассветы, как звёзды в ночи,
От счастья искал золотые ключи.
Не ведал, что счастье в кармашке лежит,
Кармашек тот мамой надёжно пришит,
И он бережёт от невзгод и обид,
От ран и болезней любовно хранит.
Кармашек не виден, и, как ни крути,
Его никогда никому не найти.
Ты можешь подумать, что это обман?
Любовь материнская – твой талисман!

Философия любви

АНАТОЛИЙ ЕРОШКИН

ЛЕДЯНАЯ ФЕЕРИЯ

Костёр весело потрескивал, изредка выстреливая фейерверками искр в синий сумрак летнего вечера. Это стало уже традицией, в первый день приезда внука на дачу складывать шалашик из сучьев, разжигать его, а потом сидеть у огня, забавляться или откровенничать, если было такое желание. Судя по всему, сегодня у тринадцатилетнего Андрюшки настроя на разговоры и пересмешки не было. Профессор Тихомиров тоже помалкивал, уважая право внука на хранение тишины.

Молчание затянулось, и первым не выдержал игры в молчанку Андрюшка:

– Деда, а ты дружил раньше с девчонками?

Тихомиров вскинул удивлённые глаза на мальчишку. Хотя, чему было удивляться, подошёл возраст Ромео, и внука, похоже, настигла первая стрела Амура. Отсюда и молчаливость, и погружение в свои мысли, и потухший огонёк озорства в глазах. Профессор улыбнулся и на вопрос кивнул утвердительно.

– Расскажи, а? – попросил Андрей.

– Да что тут рассказывать? – Пошевелил палкой почти прогоревший костёр Тихомиров. – Ты ведь не про дружбу услышать хочешь, верно? Давай лучше я тебе расскажу об одном мальчике и его первой любви.

Поскольку возражений не последовало, уже через минуту тихий профессорский голос перенёс Андрюшку во вторую половину XX-го века. В тихий городок, где в типовой хрущёвке жил в двухкомнатной квартире на четвёртом этаже обычный мальчик. Не было тогда ни ком-

пьютеров, ни интернета, ни даже привычных сейчас мобильных. Даже программ по телевизору было только две – первая и вторая. Но зато были книги, и их 14-летний Антон читал запоем. Когда же глаза уставали, он садился к окну и смотрел на зимний двор. Прямо под его окнами детвора залила ледяную площадку и на ней проходили все главные дворовые события. В основном, хоккейные. Мальчишки с клюшками гурьбой гоняли по катку самую настоящую шайбу и вопили при этом так, что стёкла двойных рам тихонько звенели им в унисон. Сражения шли до темноты и продолжались позже, благодаря единственному фонарю на столбе, который неживым неоновым светом освещал самопальную ледовую арену. Но к девяти вечера даже самые стойкие хоккеисты зазывались матерями домой, и жизнь во дворе затихала.

Антон вздыхал, возвращаясь к своим книгам и тем приключениям, что дарят они, ничего не требуя взамен. Но однажды, когда глаза уже слипались, а обе стрелки часов готовы были слиться на цифре 12, Антон совершенно случайно глянул в окошко и обомлел. На ледовой площадке на коньках кружилась девочка примерно его возраста. Её костюм сверкал блестками в свете фонаря, а сама она была похожа на порхающего мотылька, случайно залетевшего в зиму из тёплого лета.

Антон не понимал ничего в фигурном катании, но был уверен, что никто и никогда не мог танцевать на льду лучше этой девочки. Заворожённый, он просидел у окна до самого конца тренировки юной фигуристки, а когда она закончила своё ледяное кружение, горестно вздохнул. Ему казалось, что такая сказка бывает лишь раз в жизни и никогда не повторится больше.

Весь следующий день Антон ждал наступления темноты. Мальчишки, гоняющие шайбу, стали раздражать его. Как они могли осквернять своими клюшками и коньками то место, где по ночам танцует маленькая фея?! Ему хотелось открыть форточку и накричать на них, но ничего подобного он, конечно, не сделал. Только сидел и ждал. И дождался! Пол-одиннадцатого та же самая девочка, но уже в другом наряде, вновь заскользила по ледяному кругу. Она закончила тренировку во втором часу ночи, и всё это время Антон не отрываясь следил за ней, а сердце его гулко бухало в груди, словно задавая ритм танцу.

К концу второй недели Антон был безнадежно влюблён. Он знал из книг, что любовь бывает неразделённой, и полностью отдавал себе отчёт, что это как раз его случай. Пять лет назад он вместе с отцом попал в аварию – в их «жигулёнок» на полном ходу врезался самосвал. Отец погиб на месте, а Антон очнулся в больнице через сутки. И тут выяснилось, что у него отнялись ноги. Врачи говорили, что никакой патологии нет, что это последствия шока, но Антон, как ни старался, так и не мог пошевелить ногами. Из больницы он вернулся домой в инвалидном кресле. И какая же тут может быть любовь к фигуристке, с лёгкостью исполняющей на льду «бабочку», «волчок», «змейку», «винт» и другие элементы фигурного катания, названия которых Антон узнал из книжки, принесённой мамой по его просьбе из библиотеки.

Всю зиму Антон любовался выступлениями Ассоль, так он про себя стал называть девочку, потому что так и не узнал, как зовут её по-настоящему. А феерия Грина «Алые паруса» ему очень нравилась. Сам он, конечно, представлял себя в мечтах мужественным капитаном Грэм.

Но близилась весна, и мальчишка с ужасом ждал, когда лёд начнёт таять. Не будет катка – закончатся и самые счастливые часы в его жизни. И чем ближе становился этот день, чем сильнее пригревало весеннее солнышко, тем тоскливее становилось на душе Антона. Когда мамы не было дома, он в бессильной ярости стучал кулаками по ничего не чувствующим ногам и со слезами в голосе шептал, чтоб не слышали соседи: «Ну что же вы?! Очнитесь! Ведь она же уйдёт навсегда...» Но ноги стойко терпели удары и никак не отзывались на отчаянный призыв мальчишки.

А каток уже поддался коварным солнечным лучам, посерел и покрылся мелкими лужицами. Мальчишки забросили свои клюшки и переключились на другие игры. Ассоль тоже прекратила свои тренировки, но Антон всё равно каждый вечер сидел у своего окна. И как-то вечером зима вернулась, заморозив лужи на катке. У Антона чуть сердце не выпрыгнуло на подоконник, когда он увидел, что его Ассоль вышла на только что скованный морозцем лёд. Он ждал её танца до дрожи в руках, но девочка в этот раз лишь осторожно скользила на своих коньках, видимо, проверяла на прочность лёд. Но вот пришёл момент, и Ассоль, как зимой, сначала закружилась, а потом помчалась по кругу...

Р-р-раз! Вероломная вода, спрятавшись под ледком, подкосила фигуристку, и Ассоль, раскинув руки, со всего размаху рухнула на мокрый лёд. Антон замер, побледнев от ужаса. Его Ассоль, его любовь сидела на катке, растирая ушибленные коленки и смахивая слезинки с ресниц. И никто, ни одна живая душа, не спешил ей на помощь.

Антон, не понимая, что делает, прочно вцепился в ручки инвалидного кресла и рывком поднял своё тело. И шагнул к двери. Ноги предательски подрагивали и не хотели слушаться, но Антон, стиснув зубы и шепча какие-то слова, опять заставил их шагнуть. И ещё, и ещё... У входных дверей его увидела мать. Бросилась к сыну, поддержала его, всхлипнула надрывно.

– Антошенька, ты встал?! Миленький, да как же это?..

– Там Ассоль, Ассоль! – закричал Антон. – Мама, ей надо помочь! Пусти меня!

Он рвался из рук матери, как раненый зверёк, и всё тянулся к дверному замку, чтобы выскочить на лестничную клетку и бежать туда, на лёд, где плакала его Ассоль. И сам плакал, не замечая и не стыдясь своих слёз. Мать еле удержала его, отвела в комнату, усадила в кресло. На катке никого не было. Только равнодушный фонарь освещал то место, где разбилась вдребезги любовь Антона. Ведь он не пришёл на помощь Ассоль, когда она нуждалась в ней. И значит, нет ему прощения...

– А дальше? – тихо спросил внук.

– Как ты зовёшь свою бабушку? – невпопад спросил его дед.

– Бабушка Ася, а что?

– А другие люди как её зовут?

– Маргарита Ивановна, а что? – опять переспросил Андрюшка.

Дед промолчал, обхватив его за плечи и притянув к себе. Глаза его улыбались.

– Постой! – Вырвался из объятий внук. – Ася – это и есть Ассоль?!

– Молодец, догадался! – засмеялся профессор.

Андрюшка помолчал. А потом с подростковой подозрительностью спросил:

– Деда, а зачем ты мне всё это рассказал? Хочешь сказать, что любовь может творить чудеса?

– Не только, Андрюша. – Ласково потрепал его по голове дед. – Ещё хотел сказать тебе, что надо верить в себя и бороться до конца, чтобы быть достойным любви.

На крыльцо вышла бабушка Маргарита Ивановна.

– Эй, полуночники! Не пора домой?

– Ассоль! – глядя на неё, прошептал Андрей и прижался к деду. – Какой же ты счастливый, капитан Грэй!

ИРИНА КАРНАУХОВА

СТРАННАЯ ПАРА

Под проливным дождём у фонарного столба стоял молодой человек в прозрачном плаще и с большим чёрным зонтом. В потоке света льющийся дождь казался падающим откуда-то с высоты водопадом. На швейной фабрике заканчивалась вторая смена. В последние годы двери проходной закрывались за работниками после трёх часов дня: рынок заполонил в большом количестве дешёвый товар, поэтому заказов становилось всё меньше, да и старые станки были не столь производительны. Для маленького районного городка это предприятие с какой-никакой стабильной работой пока оставалось палочкой-выручалочкой. Поэтому неожиданный крупный заказ на пошив пальто был встречен с радостью: за срочное выполнение его обещали хорошую премию.

Наконец, в дверях проходной стали появляться первые работницы. Очутившись на улице, они шлёпали по лужам в резиновых сапогах, устремляясь в разные стороны. Вот из дверей вышла та, которую ожидал мужчина. Он подбежал к ней, пытаясь быстрее укрыть зонтом от хлеставшего дождя. Это была странная пара. Он – статный, высокий, широкоплечий, кареглазый шатен лет тридцати. Художники любят изображать на своих полотнах таких красавцев, похожих на Аполлона. Она – маленькая, прихрамывающая толстушка, со шрамами от ожогов на лице и руках. Необычная пара появилась в городке пару лет назад. Женщины, особенно одинокие, сразу обратили внимание на нового жителя и пытались оказывать ему знаки внимания. А некоторые – побойчее и понахальнее – напрямую предлагали себя, абсолютно не понимая,

что этот красавец нашёл в такой уродине. И даже ссорились и ругались между собой, деля его, как кусок аппетитного пирога. А Дмитрий (так звали молодого человека) никого не замечал, кроме любимой, которую называл «моя Дашуня».

Он устроился автомехаником на станцию техобслуживания, а она – на «швейку», как называли фабрику в народе. На СТО всегда находились поводы собраться вместе после работы, посидеть и пообщаться. А Димка вежливо отказывался и бежал домой. В мужских коллективах над такими обычно подтрунивают, насмеваются, называя подкаблучниками. Однако его обаяние и золотые руки не позволили так поступать с ним. Подшучивали просто над собой. Лишь однажды, когда Дашуня куда-то уехала, Дмитрий согласился остаться на «мальчишник» по существенному поводу: у начальника родился сын. Тогда коллеги и узнали историю этой пары.

...Машина летела по трассе на большой скорости. Дмитрию так хотелось произвести впечатление на эту маленькую, худенькую, сероглазую, с точёной фигуркой попутчицу, голосовавшую на дороге. Вдвоём-то веселее ехать до соседнего города. На мокром асфальте машину занесло. От сильного удара о столб легковушка кувыркнулась и её выбросило в кювет... Она загорелась. Дмитрий потерял сознание: удар пришёлся на его сторону. А вот откуда у девчонки взялись силы, чтобы вытащить размякшее тело молодого человека, неизвестно. Видимо, она находилась в шоковом состоянии. А может, свыше кто помог? Но как только девушка оттащила Дмитрия метра на три, раздался взрыв.

Водители подъезжающих машин пытались помочь. Кто-то вызвал «Скорую помощь», кто-то пытался поту-

шить пожар. Обоих пострадавших доставили в ближайшую клиническую больницу. Дмитрий поправлялся быстрее, хотя, кроме сотрясения мозга, у него оказалась сломана рука и были немного обожжены ноги. А попутнице досталось сильно: кожа обгорела почти на сорок процентов. Это и была Даша.

Димка ни на шаг не отходил от своей спасительницы. Именно ей он был обязан жизнью. Но она, когда вышла из комы, злилась и постоянно гнала парня от себя. Глядя на свои руки, представляла обезображенное лицо. Но сколько ни просила, зеркала ей никто не давал. От лекарственных препаратов и малоподвижного образа жизни Даша сильно поправилась. В лежащей толстушке невозможно было узнать юную красавицу...

– Так ты и живёшь с ней из чувства долга... – обронил один из мужчин.

– Нет! Я её очень люблю. Вы даже не представляете, сколько у меня было девушек до моей Дашуни! Но ни одна из них не сравнится с ней. Её доброта... чистота... нежность... искренность... Это... Да она излучает такую любовь!.. – Дмитрий замолчал. Потом, улыбнувшись, продолжил: – Я не замечал и не замечаю внешнего несоответствия с другими и просто обожаю её. А сюда мы приехали, чтобы вдали от всех знакомых и родных собрать деньги на пластическую операцию, которую могут сделать в Израиле. Это было условием моей Дашуни: никогда не напрягать и ни перед кем не унижаться. Материальное положение у всех наших не совсем хорошее и стабильное... Осталось уже немного. Вот сейчас она улетела на последнюю предоперационную консультацию...

– Ничего себе! И ведь молчал! – удивился один из товарищей постарше.

– А что болтать попусту? – ответил Дмитрий. – Да и времени нет у меня, чтобы сидеть и отдыхать. Я после мастерской ещё на подработку хожу, чтобы хоть какой-то денежный минимум в семье для жизни был. Кушать-то порой тоже хочется, – пошутил Дима, – Да и Дашуню иногда надо порадовать чем-нибудь. Бывает, и за полночь прихожу домой. А часто и с работы вечером надо успеть встретить. Вы даже не представляете, какая она у меня умничка: самостоятельно освоила профессию технолога швейного производства. А что?!.. Специальность неплохая. У вас же полгорода на «швейке» трудится.

– Так и есть. И наши жёны тоже там работают, – подтвердили парни. – Правда, платят немного.

– А это – да...

– Когда заказ есть, то нормально получают. Моя супруга с такой радостью тогда бежит на «швейку»! – подтвердил начальник и засмеялся. – Хотя куда побежит? Пацана теперь кормить надо и растить. В декретном пусть сидит.

– А другой специальности у твоей Дашуни не было? Раз ты говоришь, что она у тебя красавица была... – спросил электрик Паша.

– Так вы же не знаете! Дашуня, между прочим, золотая медалистка. И после школы во ВГИК на актёрский факультет поступила.

– Вот это да! – ахнули все.

– Уж очень ведущей на телевидении хотела быть!.. Год оставался... А после той трагедии она и жить-то не хотела. И даже руки на себя пыталась наложить... – Дмитрий замолчал.

...Болела голова, да и рука ныла после снятия гипса. В какой-то момент он задремал у постели Дашуни. Гла-

за мгновенно открылись, когда он ощутил толчок в спину, как будто кто-то специально это сделал: девушка пыталась вырвать из руки капельницу. Её серые глаза были полны слёз и боли. Прибежавшая медсестра, ругаясь, всё исправила.

А Димка тихонечко шептал Даше:

– Держись, моя хорошая! Скоро боль пройдёт, ты поправишься. Я в этом убеждён. И с тобой буду всегда рядом, никогда не оставляю. Ты только верь в это!

Но девушка лишь отворачивала голову...

Было видно, что ему тяжело вспоминать те моменты.

– Как-то раз я вовремя пришёл после процедуры и успел врачей позвать. Наглоталась моя Дашуня таблеток...

Товарищи молчали, каждый был в своих мыслях.

– Так что мы друг для друга стали ангелами-хранителями, – продолжил после паузы молодой человек. – Ох, сколько дней и ночей потребовалось, чтобы убедить любимую в чувствах и вселить веру в себя! Надежду на наше будущее и на то, что в жизни можно всё изменить.

– Так и есть, – подтвердил главный механик. – С настоящими чувствами всё получается в жизни.

– Да ладно, Михалыч... – пытался перебить молодой парник.

– Ты слушай и не перебивай, – парировал старший. – Мы сами строим свою судьбу. Хотя разные шансы нам свыше постоянно подкидывают. А такую любовь получить... это же настоящий подарок!

– Только, к сожалению, мы не всегда это понимаем, – добавил Дмитрий.

– А как твоя Дашуня замуж-то согласилась выйти? – поинтересовался тот же парень.

– С трудом уговорил! Да и свадьбы у нас не было, только расписались. Договорились, что после операции, когда Дашуня вернётся, соберём родных и друзей. Тогда и платье шикарное будет у моей любимой, и фото-сессия, и свадебный торт... – Дмитрий мечтательно улыбнулся, прищурив глаза, и добавил: – Ведь любой девушке это так важно. Я всё для этого сделаю! А там и об окончании учёбы подумаем.

Женатики закивали и поддакнули.

– Всё, мужики. Мне пора. Не обижайтесь. Сегодня ещё пару заказов надо выполнить.

Коллеги смотрели вслед уходящему Дмитрию. А начальник произнёс:

– Настоящий мужик!..

МАРИЯ ЕРЕМИНА

ПОСЛЕДНИЙ ПРОТИВНИК ПОВЕРЖЕН

Последний противник повержен. Крей тяжело сполз по стене, зажимая руками рану на животе. Из коридора всё ещё раздавалось шипение, сопровождаемое выстрелами бластеров, но вскоре всё стихло – Алина тоже покончила со своими врагами и поспешила к любимому.

– Беги! Реактор вот-вот взорвётся! – Крей попытался оттолкнуть девушку, но та крепко сжала его четырёхпалую оранжевую руку.

– Нет! Я искала тебя в десятках галактик и теперь ни за что не оставляю. Я никому не позволю снова разлучить нас! – она говорила тихо, почти шепотом, но даже в этом шепоте проскальзывали истерические нотки, словно Алина вот-вот сорвется на крик.

Завыла сигнализация, слезы на глазах девушки заблестели в красном аварийном освещении.

– Нам всё равно не позволят быть вместе, – устало отозвался Крей. Слишком светлая, почти оранжево-жёлтая кровь бежала, упрямо просачивалась через его пальцы.

– Значит, я их заставляю.

Алые вспышки стробоскопом высветили, как Алина прижалась к инопланетянину, пачкаясь в его крови, как с трудом обхватила того, и, закинув обмякшие оранжевые руки себе на плечи, с рычащим криком подняла. Пошатываясь, она пристегнула Крея к себе карабином и, крепко обняв, запустила реактивный ранец.

Нарастающий гул заполнил пространство. Красная подсветка в последний раз выхватила из темноты отчаянное лицо девушки и погасла, чтобы через несколько секунд её сменил затопивший ангар холодный свет.

Алина сощурилась. Мужчина в её руках тут же встал куда увереннее, и рукам сразу же стало проще. Освободив одну руку, Алина вытерла слезинку в уголке глаза и окончательно превратилась в Екатерину. Режиссёр удовлетворённо кивнул, потом отвернулся к ассистенту, что-то просмотрел в протянутых графиках и объявил конец рабочего дня. Екатерина устало опустилась в кресло, ноги гудели, руки ныли, несмотря на недели тренировок. После того, как от головы открепили копну «естественных» светлых волос, стало чуть легче.

Домой она вернулась за полночь – режиссёр забраковывал сцену раз за разом, и график в итоге неудержимо пополз. Падая на диван, Екатерина напомнила себе, что ей, вообще-то, повезло, что она, в принципе, может возвращаться домой. Могли ведь уехать снимать в монгольскую степь, где ни телефона, ни нормального душа.

– Милая, вставай, не нужно спать на диване.

Сквозь навалившуюся дрему Екатерина почувствовала, как её потрясли за плечо. Протестующе промычала. Горло заныло, и мычание получилось хриплым.

– Кать, серьёзно, тебе уже не пятнадцать, чтобы можно было спать под кустом и наслаждаться жизнью. У тебя завтра будет болеть спина, – чуть строже продолжил муж.

Екатерина нехотя села и осоловело посмотрела на супруга.

Тот нежно взял её за руку и проникновенно заглянул в глаза.

– Я тебе котлет оставил. Поешь, опять ведь целый день голодная.

Екатерина хотела было отказаться: час ночи, диета и вообще устала катастрофически, но желудок громко заурчал.

– Одну съем, иначе в костюме не влезу.

Екатерина медленно оперлась руками на диван, чтобы встать, но её тут же остановили.

– Сиди уж, горе моё, сейчас разогрею.

Котлета оказалась покупной, немного пресной, но вкусной. Екатерина немного заторможено отламывала кусочки вилок, смакуя свой небольшой ужин. После приключений и неоновых буйств декораций немного пресным казалось всё вокруг: скучный бежевый диван, тусклый свет люстры, равнодушное спокойствие супруга.

– Знаешь, Жень, я вот сегодня такая: «Я искала тебя в десятках галактик и теперь ни за что не оставлю!», – Екатерина с чувством произнесла собственную реплику. – Красиво было, драматично. А тут вот котлеты. Со всем у нас с тобой не галактики.

– Угу, – Женя даже не оторвал взгляд от ноутбука.

Екатерина предположила, что он редактировал рукопись. Лишь когда она закончила есть и сонно устала на лежащую на коленях тарелку, он отвлёкся, чтобы забрать у неё грязную посуду. Екатерина грустно посмотрела, как муж уходит на кухню, и на секунду задумалась: смог бы он взорвать ради неё реактор звездолёта?

Этот спектакль Екатерине нравился. Не потому, что он был гениальным или хотя бы глубоким – на вкус Екатерины, это было несколько наивное произведение, а потому, что ей не нужно было переодеваться, лишь накидывать поверх платья плащи разных цветов. А поэтому

во время антракта у неё был настоящий полноценный перерыв.

– Ох, рассказывай, как там дела с вашим фильмом? – Виктория Ивановна, которой так же повезло с костюмом, жаждала скрасить этот перерыв общением. Не то чтобы сама Екатерина хотела разговаривать, но с Викторией Ивановной, пережившей слишком много людей в этом театре, лучше было не ссориться.

– Краудфандинг ещё не завершился, а сумму уже набрали. Пару недель назад начали снимать, сейчас идём с небольшим опережением. Ещё получили небольшой грант, но он пойдёт на постпродакшн.

– Как всё сейчас сложно, – заохала Виктория Ивановна. – Постпродакшн, краудфандинг, гранты – и как только во всём этом разбираешься? Вот раньше...

Екатерина сдержанно улыбнулась. От разговоров о былом её спас первый звонок.

Виктория Ивановна заторопилась, напоследок выдав:

– Ты, главное, не забывай, что твоя-то задача актёрская. Плохо сыграешь – зритель это и запомнит, а за краудфандинги и полспасибо не скажет.

Екатерина дождалась второго звонка и пошла в свою кулису, собираясь, фокусируясь, на ходу превращаясь в Фею Дикого Леса.

– Я приму наказание вместо этого человека, – её слова прозвучали твёрдо и весомо, без лишнего пафоса, с долей благородного смирения.

Фея опустила голову, готовая принять судьбу: за жизнь пленного человека отдать свою.

– Правом последнего желания прошу вас, выслушайте меня, – внезапно вскинула голову Фея, и весь лес за её спиной погрузился во тьму, оставляя на свету лишь

её хрупкую фигуру. – Я люблю этого человека. Я не жила ни секунды до встречи с ним, а потому даже будь у меня тысяча жизней, мне не жаль отдать их взамен.

Обычно в дни спектаклей у Екатерины не было съёмок, но в этот раз пришлось переснимать сцену, которая перестала вписываться в общую концепцию. Декорации должны были менять на следующий день, и это весомая причина. И если сама Екатерина ещё была готова принять эту причину, её ноющее горло – нет.

– Сорвала или простудилась? – спросил Женя в ответ на хриплое приветствие. То, что само это приветствие прозвучало глубокой ночью, его мало удивило.

– Сорвала, наверное, – прошептала Екатерина.

Слова волшебной клятвы всё ещё чувствовались на губах терпким послевкусием, пусть и говорила она их несколько часов – почти вечность – назад. Екатерина с горечью подумала, что в том волшебном сценическом мире она была феей, прекрасной и звонкой, а здесь всего лишь охрипшая женщина в старых джинсах и с уставшим лицом.

– Ну, мир спасти – тяжёлое дело. – Женя с улыбкой приобнял жену, будто бы та и в самом деле героиня вала.

– Я, скорее, спасала одного человека от всего мира, – в тон ему улыбнулась Екатерина. Она не могла сказать, касался ли её ответ фильма или постановки: два героя словно слились в нечто единое, благородное и с волевым подбородком.

Микроволновка запищала, заставив супругов разорвать объятия. Молоко разогрелось. Екатерина опустошенно зависла, наблюдая за тонкими и нежными рука-

ми мужа, пока он размешивал в чашке мед и масло. По привычке примерила на себя образ, что недавно играла. Смогла бы она бросить привычный мир и поставить на кон свою жизнь ради любимого? Смог бы он? И как бы смотрелся с мечом?

– Спасибо, – благодарно прохрипела она, отхлебывая напиток.

– Итак, Екатерина, продолжим. Вашу актёрскую игру не раз отмечали не только поклонники, но и критики. После главной роли в успешной научно-фантастической драме – которой прочили статус любительской поделки, попрошу заметить, – вы стали эталоном влюблённой героини. В чём ваш секрет? Как вам удаётся так прекрасно отразить на экране то, что зрители называли «настоящей любовью»? – ведущий выдохнул и вопросительно посмотрел на гостью.

– Наверное, просто у меня в жизни есть настоящая любовь, – скромно улыбнулась Екатерина. – Иногда настоящая любовь – это не галактики и не магические клятвы, а простое молоко с мёдом.

НАТАЛЬЯ КОЛМОГорова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛА

Мы с Валеркой вместе три года. Он быстро отвадил всех моих потенциальных женихов – подрался с братьями-погодками Сидюковыми, а Петьке по прозвищу «Оглобля» показал приёмы рукопашного боя. Валерка – он такой! Отслужил десантником и вернулся в родное село. Деревенским парням ухаживать особенно некогда – то сенокос, то пахота, то дров на зиму заготовить.

Как-то встретил меня на улице (я училище закончила и тоже домой вернулась), подкатывает ко мне:

– Танюха, да ты красоткой стала! Айда сегодня погуляем...

Погуляли мы за деревней, где берёзовый лес начинается, месяц-другой. Вроде, и жениться пора, только денег на свадьбу ни у них с матерью, ни у нас с мамкой нет. Валерка после армии только «Жигулями» ржавыми и обзавёлся, отремонтировал, чтоб в райцентр на заработки ездить.

Село наше большое. В одном конце чувашки живут, в другом – мордва. У нас так и говорят – «чувашский конец, мордовский конец». Как так исторически сложилось – никто не знает. Но сколько себя помню, чувашские парни из чувашских сёл себе невест приводили, а мордва – мордочков. Редко, когда бывали смешанные браки. Вот и мы с Валеркой решили нарушить традицию – любовь! Он – чувашского народа сын, а я – дочь мордовская. Валерка – смуглый, высокий и чернявый. Я – маленькая, пухленькая, на щеках ямочки.

Привёл Валерка меня домой, говорит матери:

– Мы с Танюхой пока так поживём. А денег накопим – поженимся.

Тётка Феня, вытирая руки о цветастый, с оборками фартук, возьми да и спроси напрямик:

– Брюхатая?

Я отрицательно мотнула головой и чуть не расплакалась. Тётка Феня хорошая, работающая, только с дипломатией у неё проблемы – скажет, как отрежет.

Валерка обнял меня и сказал:

– Успеется ещё, для себя маленько пожить надо.

– Дак ладно, живите, – махнула рукой тётка Феня и выделила нам самую большую в доме комнату...

Год пролетел незаметно. Валерка в райцентр на работу ездил – сварщиком устроился в коммунальное хозяйство. Я в сельском магазине продавцом работала. Мамка валеркина меня не обижала, только внуков всё ждала. Да и моя мордовская родня всё высматривала, не округлился ли у меня живот.

Скопили мы с Валеркой немного денег и решили, наконец, узаконить наши отношения. Назначили нам в районном ЗАГСе день свадьбы на сентябрь месяц. А что, хорошее время – урожай с огородов убрали, погреба полны и овощами, и картофелем, и вареньем. Свекруха ради такого случая наварила самогон. Умеют же чуваши из ничего конфетку сделать! Поставят бражку и свеклы туда добавят, для крепости. Красную свеклу нарежут тонкими ломтиками, обжарят в печке – и в бражку. Ох, и крепкий самогон получается – градусов семьдесят! Только свеклой воняет, но это поначалу противно, а потом ничего.

Моя мамка тоже не лыком шита – на меду бражку поставила, медовуху. Пить такой напиток – одно удовольствие! Приятный он, мёдом пахнет. Пока пьёшь – голова светлая, а как плясать встанешь – ноги ходить отказываются... А какие курники моя мамка печёт – объедение! Это пироги с курицей, картошечкой и луком.

Оповестили заранее всю родню, чтоб на пятницу, на после обеда, отменили все дела – гулять так гулять! Мы с Валеркой в райцентр смотаемся, распишемся, а когда вернёмся – обмоем замечательное событие. Райцентр от нас в пятнадцати километрах. Там Валерка себе свидетеля нашёл, тоже сварщика, и у меня подружка – личная девушка. Они и дали согласие стать свидетелями нашего с Валеркой счастья.

К часу дня мы, новобрачающиеся, должны были быть в районном ЗАГСе. Конечно, мы принарядились. Я надела любимое голубое платье – под цвет глаз. Это не правда, что мордва только красное любит. Что личет, то и носим. Будущий законный супруг костюм надел с галстуком. Смешной, ей-богу! То из фуфайки не вытащишь, а тут – прямо красавец!

Выехали пораньше – мало ли что? Погода не надёжная, то и дело дождь срывается. Валерка заметно нервничал, я тоже.

– Кольца взяла?

– Взяла.

– Документы?

– Да заводи уже свою тарантайку!

– А это что за пузырь?

– Самогонку твоя мамка сунула.

– Зачем это?

– Сказала, на всякий случай.

– Это правильно, а то волнуюсь я сильно, Танюх!

И Валерка нежно похлопал рукой поллитровку, заткнутую свёрнутой в трубочку газетой.

Мы выехали из села, миновали ферму, проскочили поле озимых. Сначала грунтовая дорога была ничего, но после совсем испортилась. Разбитая вдребезги тракторами и

погодными условиями, она оставляла маленькую надежду на благополучный исход дела. Осенние дожди, зарядившие на неделю, вконец подмочили её репутацию.

– Ё-моё, Танюх, как бы не влипнуть

– Я те влипну! Ехай давай, уж замуж невтерпёж!

Валерка после моих слов заржал, как конь, потом запел:

– Поедем, красотка, кататься! Давно я тебя поджидал!..

Напротив ельника мы встряли. Огромная лужа несколько раз гостеприимно чавкнула, и мотор «Жигулей» окончательно заглох.

– Вот и приехали, Танюх...

Валерка закатал брюки повыше колена и вылез из машины. Он натаскал из бора сухостоя, подкладывая его под колёса, потом долго буксовал. Я с ужасом наблюдала, как свадебный валеркин костюм пропитывается мутной жижей и покрывается комьями жирной грязи.

– Вот говорила я тебе – зимой надо было жениться!

– Не умничай! А ну, вылазь из машины.

– Чево?

– Ничево! Жениться вместе едем, а толкаю я один. Принцесса!

Время между тем поджимало. Я вздохнула, но делать нечего – в новых белых туфельках ступила в холодную лужу. Мы толкали машину до тех пор, пока не поняли, что завязли окончательно.

– Алло! – кричала в трубку сотового телефона подружка-свидетельница. – Вы где пропали? Заждались вас уже!

– Застряли! – стуча зубами, кричала я в ответ.

– Алло!.. Алло!..

Связь на полуслове оборвалась.

Совсем недавно провели её в наших краях, а сотовый телефон – это самый дорогой валеркин подарок на мой день рождения...

Выбивая зубами чечётку, я залезла в машину, следом плюхнулся потенциальный законный супруг. Он положил руки на руль и тупо уставился на дорогу. Насколько хватало глаз – вспаханные поля, копёшки сена и серое небо над головой. В окно методично постукивали капли дождя.

– Может, это... ты в деревню, за трактором? – предложила я.

– Ага, щас! Семь километров по такой дороге? Может, ты на своих шпильках быстрее добежишь, а я тут подожду?

– Паразит! – Я треснула Валерку по чернявой башке. – И что вы за народ-то такой – чувашей? Любите себя больно!

– А вы, мордва, всё норовите на чужом горбу в рай въехать!

– Не трожь мордву!

– А ты чувашей!

Мы чуть не подрались

– Если б не я, тебя и замуж бы не взяли...

– Предупреждали меня, что вы за люди...

Я разревелась.

Валерка – он отходчивый. Чмокнул меня в щёку, прицупил к себе.

– Танюх, не реви! Давай-ка мы с тобой по маленькой...

Мы, не закусывая, приговорили всю бутылку, так предусмотрительно предложенную свекровью. Валерка снова поцеловал меня, уже в губы, горячо зашептал на ушко:

– Поздравляю вас, Татьяна Александровна, вы стали моей женой! А может, это... ну, то самое?..

Я погладила Валерку по грязным щекам и затряслась от хохота. Вместе со мной от хохота затрясло «Жигули»...

– Чевой-то, никак, застряли? – в машину вдруг просунулась бородатая голова пастуха Петровича.

Он был одет по погоде – в тёплую фуфайку, шапку-ушанку и кирзовые сапоги. Рядом, с меланхоличным видом, стояла его подружка – гнедая кобыла Машка.

– Тебя нам Бог послал, Петрович! До ЗАГСа довезёшь?

– Довезу... Садитесь, робята.

Пьяный в стельку жених элегантно подсадил меня в телегу, а Петрович заботливо накиннул на плечи фуфайку. Я прикрыла глаза. Мамочки, хорошо-то как!

– Валерка, я тебя это... люблю! – И пьяно икнула...

Кто-то тормозил меня за плечо:

– Просыпайся, Танюх, приехали!

В ЗАГСе нас всё-таки дождались. Даваясь от смеха, свидетельница снимала с моего платья комья грязи и прилипшие соломинки.

– Согласны ли вы...

– Согласны! Ещё как согласны!

С любимым в ЗАГС – хоть на телеге, хоть на машине, хоть пешком.

Нам с Валеркой, наконец, вручили свидетельство о заключении брака. Администраторша Любочка потом призналась, что на её памяти ещё не было таких пьяных, грязных, но счастливых новобрачных.

Окольцованный и важный Валерка тормознул возле магазина, куда мы зашли за минералкой, какого-то мужика на «Ниве». Он за чисто символическую плату согласился довезти нас до дома.

...Уже вечерело, когда показались огни нашего посёлка. Родня, уставшая сидеть за накрытым столом, всю от-

мечала событие – наше с Валеркой бракосочетание. Моя мордовская родня, отпив свекольной самогонки, горланила чувашские песни. Чувашки, желая угодить, подпевали мордовские. Медовуха развязала языки, а души сделала такими же прозрачными и весёлыми, как напиток.

Гуляли нашу свадьбу всей деревней неделю. Водитель «Нивы» оказался отличным мужиком. Трое суток он ночевал у нас на сеновале, спускаясь только похмелиться и закусить. На остальное сил у него уже не осталось.

...А в этом году мы с Валеркой ждём прибавления. Скажи, будет мальчик – такой же смуглый, как папа, с ямочками на щеках. Вот только с именем пока не определились – мордовская родня хочет назвать Колей, а чувашки – Виталиком, очень у них это имя популярно. Учитывая национальные особенности культуры, нам с Валеркой всё равно. Лишь бы не передрались.

АЛИНА НАДЖАФОВА

КАК МИТЬКА КЛАД ОБРЕЛ

В глухом селе стоит обветшавшая хатенка. Обладателями незавидного жилища являются дед Федор и его десятилетний внук Митька. Старый дед с внуком совсем неласков. Его длинная борода давно поседела. Старик постоянно ходит в одной и той же одежде, несмотря на то что она давно похожа на отрепье.

Девять лет назад, при жизни отца Митьки, семья не страдала от бедности. Однако мальчишка не помнит того времени, он был еще совсем мал. Внезапно отец сильно заболел и ушел из жизни. Мать оставила сына на грубого деда и отправилась в город на заработки. Периодически она присылает деньги, а дед кое-как сводит концы с концами. Мать Митька тоже не помнит, она оставила его совсем маленьким. Зато он представляет свою мамочку самой красивой, самой доброй женщиной на свете.

Сам Митька, как и его дед, выглядит не лучшим образом. Никто не следит за его внешним видом. Ходит мальчишка в обносках, старенькая истоптанная обувь меняется только при условии, что Митька окончательно натирает ею выросшие ноги. Мальчишкой дед не занимается, разве что кормит да приглядывает, чтобы парнишка ночевал дома.

Целыми днями Митька где-то пропадает. Чем занимается внук на улице, деда не интересует. Старик много времени проводит, заготавливая дрова на зиму или плетя корзинки из бересты.

Постепенно дед начал замечать, что Митька не прибегает на обед, а однажды и вовсе вернулся ночевать ближе к полуночи. Ох и задал же трепку дед Федор своему

нерадивому внуку! У мальчика даже кровь из носа пошла. Но это ничего, Митька, привыкший к таким делам, даже слова не проронил.

«Где же постоянно пропадает наш герой?» – подумаете вы. Этим вопросом, пожалуй, кроме вас, никто больше и не задается. Некому над этим думать.

На самом деле – у Митьки есть мечта всей жизни. Он твердо намерился найти клад. Ведь тогда он решит все проблемы! Любимой мамочке больше не нужно будет работать в городе, она вернется домой, и заживут они в полном достатке.

Первые лучи весеннего солнца упали на лицо Митьки, разбудив ребенка. Он соскочил с койки, наспех перекусил куском хлеба с солью и попил воды. Натянул на себя старенькую одежду и побежал на улицу. Сегодня ему нужно встретиться с Сенькой, своим товарищем. Тот пообещал, что, если Митька перекопает за него огород, он расскажет о новом месте, где спрятан клад.

– Привет, Митька! Родители уже уехали, вернутся к обеду. До этого времени ты должен перекопать весь участок; если успеешь к их возвращению, я скажу, где тайник с кладом, – сообщил ухоженный и слегка полноватый Сенька.

– А ты не обманешь? Я уже два месяца выполняю за тебя все дела, а клад никак не могу найти, – с недоверием отозвался Митька.

– Ох и зануда ты! – вскипел Сенька. – Откуда я знаю, почему ты никак не можешь найти клад? Может быть, ты сам растяпа – плохо ищешь. Может быть, баба Дуня что-то путает и неправильно места указывает, ей уже лет сто, память подводит. Не хочешь копать мой огород – уходи! Я сам все сделаю, а потом пойду и клад найду!

– Нет, не надо, мне очень нужен этот клад, я все перекопаю! – С этими словами Митька отчаянно принялся за работу.

Копал полдня, очень устал, да и в пустом животе урчало.

– Все готово! – с воодушевлением крикнул уставший Митька.

– Отличная работа! Теперь слушай. Моя баба Дуня вчера сказала, что вспомнила еще об одной богатой семье, проживавшей давным-давно в нашем селе. Дом у них был роскошный, денег море. Опостылела им сельская жизнь, и переехало семейство в город. Хоромы свои даже продавать не стали, бросили на произвол судьбы. Моя бабка дружила с дочкой этих богачей, и та ей намекнула, что родители прятали свои сбережения в поддувало между полом и печью, или закладывали в трубу, или закапывали рядом. Короче говоря, не смогла бабка точно вспомнить место. Ты беги за пруд, там найдешь этот дом – и ищи внимательнее! Все осмотри, разбери печку, загляни в трубу, под полом покопайся!

– Я понял, о каком доме ты говоришь. А ты уверен, что они были так богаты? Ведь дом не такой уж и большой, не больше нашего с дедом, – недоверчиво спросил Митька.

– Ой, да не хочешь – не ищи! Ленивый ты, вот почему клад до сих пор не нашел. А в нашем селе их пруд пруди. Дом ему маленький! Конечно, он станет маленьким: сто лет прошло, как в нем никто не живет! Он обветшал, стены усохли! Некогда мне с тобой болтать, родители сейчас вернутся, а ты здесь ошиваешься, проваливай!

Митьке бы пообедать, наверняка дед оставил что-нибудь, но времени нет. Слишком много мест нужно пролезть, чтобы клад отыскать. А ведь если он опять вернется

поздно, дед снова нос разобьет. Побежал мальчишка за пруд. Спустя пятнадцать минут Митька находился у дома. «Уж если такие хоромы превратились в лачугу, во что бы превратился наш маленький домик? Наверно, в собачью будку!» – подумал Митька.

До самого вечера с глубоким усердием мальчик искал клад. Обшарил всю трубу, изрядно при этом испачкался в саже. Разгромил печь, изранив все свои маленькие ручки. Срывать доски с пола оказалось совсем несложно: гвозди давно проржавели. Сорванными досками Митька копал землю под полом. Увлеченный, он даже не заметил, как стало совсем темно.

– Ничего, буду искать на ощупь, ведь я совсем рядом, клад мой! – бормотал Митька.

Выбившись из последних сил, ребенок даже не заметил, как уснул.

Митька открыл глаза, когда рассвело, вокруг на все голоса распевали птицы. Мальчишка с ужасом подскочил. Вид у него был отвратительный: весь в саже и крови, еще и желудок свело от голода, ведь он не ел уже сутки. Сердце замерло, когда Митька представил, что ожидает его дома, ведь он не явился ночевать. Мальчик ощутил, что над его головой повис острый и тяжелый дамоклов меч. Изможденный ребенок поплелся на верную смерть.

Дома дед Федор с порога врезал Митьке кулаком в ухо, от этого в голове установился жуткий звон, а в глазах потемнело.

– Я вызываю телеграммой твою мать! Больше я не отвечаю за такого бродягу, как ты! – проскрежетал стальной голос деда. С этими словами старик ушел из дома.

Из-за непрекращающегося звона в голове у мальчика пропал аппетит, да и есть было нечего: дед не положил

на стол ничего. Митька провалялся на старой сетчатой койке до самой ночи и незаметно для себя уснул.

Проснулся мальчик от того, что его обнимает что-то теплое и влажное. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним маму; из ее глаз текли слезы.

– Мальчик мой маленький, прости меня, пожалуйста! – шептала дрожащая мама.

Митька сразу догадался, что это мама. Ведь именно такой он себе ее и представлял. Самая добрая, самая красивая в мире! Только за что мама просила прощения, мальчик не понимал. Это же он не явился ночевать, он провинился.

– Конечно, мамочка, я тебя прощаю, я тебя очень люблю! – отозвался слабым голоском ребенок. Хотя Митька и не понимал, за что мама извиняется, но решил сказать, что простил, раз уж ей так нужно прощение.

Повернув голову, Митька обратил внимание, что в доме царит невиданная чистота и чувствуется восхитительный аромат вкусной еды. А посреди комнаты стоит таз с водой. Мама быстро искупала сына – наверно, впервые в жизни мальчик стал таким чистеньким. Она аккуратно перебинтовала все ранки, полученные во время поиска кладя. Подстригла ногти и даже накормила таким вкусным обедом, какой Митька не ел за всю свою жизнь.

Мама и сын сидели в обнимку на чистенькой скамейке за столом. С улицы доносились стуки: это дед Федор колл дрова.

– Мамочка, родная, любимая, скажи, ты больше никогда не уедешь от меня?

– Никогда, сыночек, ни на одно мгновение я больше не оставляю тебя. Я буду жить здесь, вместе с вами!

Эти слова мамы прозвучали как гром среди ясного неба. Мальчик не мог поверить своим ушам. Из его глаз покатались слезы, Митька был шокирован, что заплакал. Ведь сколько раз дед Федор задавал ребенку серьезную трепку, но он никогда не плакал!

– Митенька, мальчик мой любимый, скажи, а ты не будешь больше убегать из дома? – вкрадчиво спросила мама.

Ее голос, интонация, да и вообще сам факт, что с ним кто-то так ласков, завораживали ребенка. Митька даже не смог сразу ответить на вопрос.

– Никогда, мамочка, ни на одно мгновение я больше не оставляю тебя. Я уже обрел свой клад!

ГАЛИНА ТАЛАНОВА

ПОЛНОЛУНИЕ

Как случилось то, что случилось? Или это нудный осенний дождь виноват, капли которого рвались в дом, будто ночные бабочки на огонь, – вгоняющий в тоску и дающий остро почувствовать конечность и бессмысленность существования, несмотря на то, что вся жизнь была ещё впереди и лежала, как сокровище на ладони, играя всеми своими гранями при свете розового ночника?

Веки тяжелели, длинноногие слова запинались хромыми ногами, голова склонялась на грудь – и потолок качался, будто в каюте. Отсыревший воздух заползал под шерстяной свитерок, совершенно наплевав на скрещенные руки, от холода обнимающие друг дружку, – руки, похожие на прибитые к рамам доски, защищающие от входа неожиданных посетителей в опустевший надолго дом.

Бабочки, прятавшиеся при дневном свете по тёмным углам, внезапно проснулись, примагниченные ярким огнём. Обожгли свои шёлковые крылья – и метались по комнате, будто слепые, натывались на стены в выгоревших жёлтых обоях с белыми ромашками с аккуратно подклеенными лепестками взамен съеденных мышками в холодную и безлюдную зиму. Отражались от стен – и снова летели к оранжевому абажуру, ровно горящему, будто пламя в семейном очаге. Мохнатые их тени скользили по стене, завораживая вечной игрой света и тени.

Пламя абажура покачивалось в толстых стёклах очков, за которыми темнел чёрный омут расширенных зрачков, нырнуть в который было совсем не страшно. Чёрные локоны стекали кольцами телефонных проводов по тонкому женскому запястью с пальцев, запутавшихся в

чужих и жёстких волосах. Она была привязана к мужу, и ей было бы страшно потерять его. Тогда зачем ворвался в её жизнь Фёдор – и она даже не испытывает никакого страха, ходя по тоненькой жёрдочке над горной речкой? Вдруг оступится и покачнётся, вытанцовывая на цыпочках по натянутой струне? Или внезапно съедет с горы какой-нибудь неуклюжий камень, сдвигая опору у качающихся мосточков?

Всё случилось так, как будто и не могло быть иначе. Дождь посшибал все уже ватные яблоки на землю... Просто не могли две половинки разломанного от удара яблока не подкатиться друг к другу... Только ведь истекающий соком срез уже погрызен и чёрными муравьями сомнений, и мягкотелой улиткой долга... Пустое. Половинкам полностью не совпасть.

Ей казалось, что она слышит, как волны разбиваются о берег, большие, медленные, равнодушные, равномерно накатывающие одна за другой, увеличиваясь в размерах, валы, накатывающиеся с ритмом судьбы так монотонно, что это создавало иллюзию вечности. Этот бесконечный шорох медленно и неотвратно приближающихся и подхватывающих волн судьбы стал составляющей её жизни, без которой она уже и существовать не могла. Тишина пугала.

Печаль, захлестнувшая её с головой, когда она, замершая, лежала, устремив взгляд в бесконечность, в которой запутались сполохи лунного света, перерезаемого фарами проносящихся за окном машин, напомнившие ей огни проплывающих теплоходов; думая о произошедшем, пропала и осталась неловкость, будто огрызок яблока, выкинутый волной на отшлифованный песок. Ей хотелось взглянуть на него, но она лежала неподвижно, не осмеливаясь пошевелиться и тем более включить бра. Потом она

всё же чуть-чуть приподнялась на локте и вполоборота повернула голову к нему, чувствуя, как заломило мышцы шеи, вчитываясь в его лицо, точно в непонятый текст. Он был где-то далеко, в другом мире. Ей захотелось заплакать от обиды. Он казался теперь ей холодной, обкатанной галькой, лежащей глубоко на дне под прозрачной толщей воды. Вдруг, будто вода в проломленный борт лодки, напоровшейся на корягу, хлынула ненависть к нему, оставившему её одну у этого равнодушного плеска моря.

Внезапно она услышала ход часов, стучавших так явно, словно подложенное взрывное устройство. А он спал – и она подумала, что теперь он где-то парит среди мыльных пузырей его снов, переливающихся своими хамелеоновыми оболочками и уносимых друг от друга ветром, будто во времени и пространстве бывшие друзья-одноклассники. Теперь перед ней, как в замедленной киносъёмке, поплыли картины из её жизни, путаясь с мыслями о нереализованных возможностях и разбившихся, точно волна о камень, надеждах. Она будто вытягивала сети из глубины моря её прошлого: друзей, родителей, первую влюблённость и первый зубик её ребёнка, тянула, тянула – и всё не могла вытащить, снимая руками налипшую тину сомнений, которой становилось всё больше и больше, чем ниже со дна она извлекала сеть.

За завтраком словно катали по горлу молчание, ватыным комком перекрывающее ровное дыхание. Дочь размазывала по тарелке манную кашу, складывала её за щеку, от чего щека надувалась, будто у ребёнка был флюс. На веранде стоял комариный гул, сплетённый из множества тоненьких голосов. Лидия только и успевала их отгонять от ребёнка.

За окном снова начался мелкий дождь. Он стучал по веткам сирени, листья которой вздрагивали от этих хо-

лодных капель и пытались их стряхнуть на землю... Каждый лист жил какой-то своей внутренней, отдельной от целого куста, жизнью. Пока другие смиренно стояли в неподвижности, принимая дробинки дождя, какой-нибудь из них вдруг выворачивался, будто ковш ладони, выливая воду на приникшую к земле траву.

Передавая Фёдору сахарницу, вдруг почувствовала вместо холодной хрупкости фарфора его горячую ладонь, будто невзначай коснувшуюся её пальцев. Отёрнула руку, как от ожога, бережно и тайно лелея тепло мужского колена в ночи, закутавшееся в клеёнчатую скатерть, низко свисающую со стола почти до самого облупившегося пола.

Ложечка позвякивала о стакан, будто колёса поезда по рельсам, увозя в неизвестность, в края, в которых ещё не бывала. Случившееся казалось сном, привидевшимся в коротеньком забытии. Было холодно, сыро и хотелось снова закутаться с головой в ватное одеяло.

Потом чужой мужчина, неожиданно становящийся своим, принёс с улицы из-под навеса отсыревшие дрова и снова стал разжигать в доме очаг, сминая для растопки старые газеты. Буквы и чужие лица неожиданно оживали, корчились в последних гримасах и исчезали, становясь ворохом чёрного пепла. И снова огонь весело бежал по хворосту, облизывая подсыхающие поленья и становясь всё яростнее. И опять они с дочкой смотрели, как замороженные, на это дышащее пламя, греющее руки своими высунутыми из пасти печурки языками. И снова комната наполнялась теплом, что уже прилиvalo к лицу. И снова щёки горели, будто у школьницы, прогулявшей урок, а сердце билось, как перед неизбежным экзаменом, где никогда не знаешь, что за билет суждено тебе будет вытащить.

Вечером неожиданно подул душный ветер, и после ужина, уложив ребёнка спать, они пошли купаться.

Было полнолуние, и луна надраенным серебряным щитом висела над лугами, испуская заворачивающее сияние. Осторожно разделась, ёжась от влажного ночного воздуха, и по лунной дорожке, раскатанной серебряным ковром, вступила в воду, чувствуя, что грусть, будто вода, подступает всё выше и выше, нежно обнимая и обволакивая её со всех сторон...

По поверхности озера, будто оторванная голова подсолнуха, плыла луна... Фёдор стоял на берегу и смотрел, как она качается на воде. Вдруг он неожиданно нагнулся, поднял с земли камушек и запустил в подсолнух. Светящееся отражение задрожало и разлетелось на десятки мелких осколков, закачавшись на воде оборванными лепестками, что постепенно, словно магнитом, начали медленно стягиваться друг к другу. И вот снова растерзанный было подсолнух, целый и невредимый, застыл в воде, облитый заворачивающим светом.

И опять тишину раскололо взрывом воды – сполохи света брызнули Лиде в лицо и разбросанные ударной волной заколыхались на воде, будто кувшинки, вокруг чёрной воронки, наполненной тенями дурных предчувствий. Белые осколки мотались обрывками разорванного письма, подталкивая друг друга, кружились в немом танце и не могли найти себе прибежища, и собраться в гладкие строки, возвращающие в сердце гармонию и покой.

Фёдор, как заведённый, зачем-то бросал и бросал камни один за другим, не давая осколкам света собраться в целое, – и они, потянувшись было друг к другу, тотчас отшатывались и разлетались перьями из вспоротой подушки.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА

ЛЮБОВЬ АННЫ

Анна влюбилась в Женю с первого взгляда. Ничего подобного до сих пор она не испытывала. И ее не смущали ни разница в возрасте, ни то, что они знакомы без году неделю. Анна была безнадежно уверена, что это настоящая любовь. Как иначе объяснить, что ее сердце каждый раз слегка подпрыгивало при взгляде на Женю, будто исполняло мистический танец, и в такт каждому своему движению напевало протяжную чувственную мелодию. И что заговоренная этой песней кровь, тотчас нагревалась в груди, выплескивалась, растекалась по телу – от кончиков ног до медно-рыжей макушки, с жаром прилиwała в Анины уши и шептала, будто доверяла самую сокровенную тайну: «Это точно любовь».

Женя глядит внимательно, перебегает серыми, как предгрозовое небо, глазами от одной Аниной веснушки до другой, будто вспоминает. Может быть, он встречался с их хозяйкой в прошлой жизни? Или, наоборот, Женя старается не упустить ни одной детали и запечатлеть навсегда в памяти Анин портрет?..

Анна улыбается робко, но искренне. Это простое движение рождает в Жене опьяняющую волну нежности. В его радужках глаз тут же загораются белые штрихи, будто на фоне антрацитового неба распускаются пушистые облака одуванчиков. Анна ловит себя на мысли, что не дышит, боится случайно сдуть хрупкие «парашютики» счастья. Женя одаривает ее кривой, больше походящей на ухмылку, улыбкой. Неловкие движения, бессвязный лепет – его переполняют эмоции, сладить с которыми он не в силах.

Анна догадывается, что ее чувства взаимны. Потому она решает невзначай коснуться Жениной мягкой ладони. К ее удивлению, это не будоражит сознание, не вызывает волну мурашек по всему телу. Напротив, прикасаться к Жене ей кажется таким неожиданно естественным, непостижимо правильным, словно быть друг с другом им было предначертано судьбой. Анна не спешит убирать руку, гладит его по округлой щеке, горячим губам, волосам, но Женя все равно цепляется за ее ладонь пальцами. Волнуется, что она вот-вот сбежит от него или испарится как мираж.

– Я люблю тебя, – шепотом признается Анна.

Женя быстро успокаивается. Анна притягивает его руку к губам. Его кожа, особенно теплая, как наполненный солнцем июньский полдень. Вдыхает приятный аромат. Сладкий – как испеченные воскресным утром мамины блины. Касается губами. Она нежнее шелка и самого доброго слова.

– Я люблю тебя, – уверенно повторяет Анна.

Женя ничего не говорит. Но в глазах своего новорожденного сына Анна определенно читает ответ: «Я тоже люблю тебя, мама».

Юрий Гаврилов

Тропинка домой

Лес начинался сразу за деревней. Каждый раз, когда Артём входил под сень деревьев, он словно попадал в зачарованный мир. Он шёл медленно, вдыхая свежий воздух. Где-то затрещала белка, перескочив с одной ветки на другую. Артём остановился и посмотрел вверх, улыбнулся – эти пушистые зверьки были частью леса, добрые его хранители. Он не спешил. Под ногами вилась узкая тропинка, ведущая к старому дубу – месту, куда он часто приходил мальчишкой. Там они с отцом строили шалаш, с матерью собирали землянику, там дед учил его различать деревья и слушать птиц. Артём остановился у дуба. Он был всё таким же могучим, как в далеком детстве. Артём легонько коснулся коры.

– Привет, старик, – тихо сказал он.

Грудь наполнилась воздухом. Чистым, прохладным, родным. В этом воздухе чувствовались не только запахи сосны и мха – в нём была сама память. Память о людях, что подарили ему любовь к этой земле. Он сел у дерева, прислонился спиной к стволу. Мимо пролетела стрекоза, лес шелестел листвой, как будто шептал что-то своё, вечное.

– Родина... – прошептал Артём. – Не просто слово. Это земля, воздух, свет, всё, что внутри меня.

Сидя в тишине, он понял: куда бы его ни занесла жизнь, какой бы шум ни царил в других местах – здесь, среди деревьев, на этой тропинке, он всегда будет чувствовать себя дома.

Артём поднялся, стряхнул с брюк опавшие листья. Солнце клонилось к горизонту, пробивая сквозь кроны золо-

тые лучи. Всё в этом свете было тёплым – и воздух, и земля, и мысли. Он ещё раз огляделся: дуб, ручей вдали, тропинка, ведущая обратно к деревне... Всё это было частью его, как сердце, как память.

Он шёл обратно медленно, с чувством, будто несёт в себе частичку леса. Он знал: стоит закрыть глаза, вдохнуть глубже – и лес вновь оживёт в нём. Потому что Родина – это не только место на карте. Это место в сердце. И пока оно бьётся, тропинка домой не зарастёт.

НИНА ДЕРЯБИНА

ЛЕТО В СОСНОВОМ БОРУ

Я взял удочки и котелок, чтобы пойти к озеру порыбачить. Уже с вечера в душе поселилась радость: не смог заснуть и в четыре утра вышел из дома. Утром, в восемь тридцать, как и в другие дни, приходил поезд из города, на котором должна приехать она. Боялся сглазить себя внутри этого события, поэтому и взял удочки. Никого я не жду, просто пошёл на рыбалку.

Ранним утром лучше ходить в резиновых сапогах по бору. Штормовка, грубые штаны и кепка завершили экипировку. Яркое пятно фонаря выхватывало притоптанную дорожку с ещё зелёной травой, и я быстро вышел на широкую дорогу к озеру. Почва была песчаная, но плотная. Только иногда спотыкался о толстые корни сосен, прорезающих дорогу то справа, то слева. Знал, что скоро начнётся густая травяная полянка, которая заканчивалась деревянным мостком, уходящим в воду.

Смятенно и тревожно находиться почти ночью у леса в одиночестве. Местные жители называли его бором. В густой и мрачной темноте фонарь двигался вместе со мной. Шуршали сапоги, котелок позвякивал на кочках, и ты один. Никого не видишь, а тебя видят все. Кто все? Никого здесь нет. Грибники ещё не вышли: слишком темно, легко заблудиться, если углубиться в лес.

Под сапогами зачавкала вода, значит, рядом где-то мосток. Вдоль берега справа росли камыши, оттуда послышался лёгкий плеск и шорох, но в крошечной темноте и глухой тишине он показался мне громким и впечатляющим. Наверное, утки проснулись от моего присутствия, они там даже днём прячутся. Слабый и тёплый ветерок

коснулся лица и скользнул в темноту. За спиной – сосновый бор. Он начинался как-то внезапно, и днём я часто всматривался в его хвойную глубину, иногда проблескивающую белыми стволами берёз. В последние годы лес резко терял яркую зелёную одежду, и хвоя подсыхала уже к концу лета, опадала, поэтому трава вокруг деревьев присыпалась её мягким слоем. Грибники разгребали его и вытаскивали грузди. Эти уродливые углубления долго стояли оголённые, смешанные с землёй.

Всплывшая в воспоминаниях картинка отвлекла меня, и я не сразу заметил, как на другом берегу в окнах некоторых домов вспыхнул свет: грибники проснулись. На душе повеселело. Со стороны леса воздушными волнами распространялась прохлада, смешанная с хвойным духом.

Стук поезда я слышал, когда тот подходил к соседней станции, отчётливый и резкий, отрывистый, хотя и негромкий, километрах в трёх от озера. Так стучат товарные поезда. Шум нарастал с каждой минутой, наконец, загрохотал неистово и исступлённо. Странно, в домах люди, живущие в такой близости от железной дороги, призывали к шуму идущих поездов и даже не просыпались при этом. Многих, я думаю, он убаюкивал, как бы давая команду спокойствию и умиротворению, как мне, например. Сейчас же он отстукивал у меня молотками в ушах: ту-ту; ту-ту; ту-ту, ту-ту; ту-ту; ту-ту. Казалось, вагоны никогда не кончатся. Но они завершились, и шум колёс утихал: поезд удалялся к следующей станции.

Рельсовая дорога в километре от меня, поэтому тяжёлый грохот второго товарняка я слышал, когда вода в озере позолотилась: это ударили о его поверхность первые лучи солнца. После ночной тьмы всё на глазах пре-

ображалось. Зелёными пучками проступили камыши, из мрака вынырнули белые стволы берёз, набиравшими спелость плодами покачивал боярышник. Вскоре утомился и затих ветерок. Предрассветное безмолвие рвал мощный и густой перестук колёс, на которые обрушивалась тяжесть вагонов, гружённых толстыми брёвнами. Бум-бум-бум! – стучало в голове. Я развернулся к озеру: ковёр золотых щетинистых иголок неподвижно лежал на воде. Удивление подтолкнуло перевести взгляд на сосновый бор, он взлетел к верхушкам деревьев: и там солнечное золото заполучило место в зелёных иглах сосен. Бум-бум-бум, – отстукивал товарняк, но властные звуки становились всё глуше и глуше.

Я вернулся к мостку и присел на его край. Представил, как она садилась в поезд, разговаривала с попутчиками или читала книгу. Смотрела в окно и видела всё, что я часто вижу, когда еду в город или обратно. Если она сидела в левой стороне вагона, то обратила внимание на сосновый лес. Тот самый, который я вижу сейчас. Интересно – разглядела она золотые верхушки сосен или нет?.. Нет, конечно. Если бы заприметила, поезд подходил бы уже к станции. Это случится часа через два, не раньше. Скорее всего, она сейчас спит.

Весной прошлого года она приезжала ко мне. Конец апреля больше напоминал начало лета. Мы не сразу отправились к озеру. По просеке спустились к реке. Открытые полянки освободились от снега, в ложбинках же он вальяжно раскинулся между соснами и не думал таять, поэтому запоздалые подснежники красовались особенно победно. А вот медуницы своё время не пропустили: голубыми стустками разбежались по лесу. Она к шляпке пристроила несколько цветков, и синева её глаз пе-

ресеклась с бирюзой медуниц. Речка неглубокая, и мы босыми ногами зашли в воду. Она наклонялась и пыталась ладонями подцепить проплывающих рыбёшек, но они рассыпались из-под рук веером и ускользали в глубину. Ей хотелось искупаться, и мы вернулись к озеру.

Вокруг озера – лето, но вода апрельская, холодная. Её желание искупаться я принял за шутку, потому что не купался никто. Она медленно подошла к воде, расстегнула летний сарафанчик и мгновенно погрузилась в воду. Многие за ней наблюдали. Я стоял в нерешительности. Поплыла, не оборачиваясь. Шляпка с каждым мгновением уменьшалась в размерах, но лазурь медуниц не исчезала с её полей, играла с синевой неба... Вышла из воды под солнце и накинула сарафанчик на мокрое тело.

Вечерами я часто варил для неё тройную уху, рыбаки научили. Она крала у меня из ведра карасей и в наполненную водой ванну выпускала плавать. Они с открытыми ртами выныривали и хватали воздух, чтобы снова погрузиться в воду и благодарно помахивать хвостами. Пока она спасала этих карасей, другие (мои) уже булькали в кастрюле, потом протирались через сито – и снова в кастрюлю – один из секретов знатной рыбацкой ухи.

Она подхватывала ложкой порцию моего угощения, секунду рассматривала содержимое и несла ко рту, забавно подставляя кусок хлеба, чтобы не расплескать. Но капли ухи иногда подтекали с ложки на её пальцы, и тогда она облизывала их и жмурилась от удовольствия. Потом виноватым аквамарином из-под ресниц разглядывала меня и ждала реакции. Я одобрительно кивал, и тогда смех нападал на нас обоих. Мы кидали ложки на стол и поджимали животы ладонями, чтобы не лопнуть от смеха.

Перед отъездом смотрела, не мигая, мне в глаза: «Я уезжаю надолго и далеко, скажи что-нибудь». Я не знал, что сказать. Уверен – встретимся ещё, что тут говорить. Я был счастлив. Много всяких событий, радостных и беззаботных, случилось за это время! Я жил, радовался и знал, что со мной всё будет хорошо.

Сколько мы в то лето исходили тропинок и просек в сосновом лесу! Он не так красив, как его изображают художники иногда на своих картинах, как о нём сочиняют стихи поэты, но мы всегда находили панорамы и виды, останавливающие наши передвижения, и подолгу рассматривали сосновые чудеса. Я написал много новых картин, с ней и без неё, но непременно с изображением соснового леса.

«Я уезжаю далеко и надолго», – вопросом, а не утверждением звучали её слова, но я тогда вопрос не услышал, разглядывал медуничные глаза и наслаждался мгновенным счастьем и гармонией внутри себя.

...Почувствовал, что надо обернуться. Между сосен висел белый круг с лучистыми золотыми линиями, разбежавшимися по веткам деревьев. Длинные и короткие, широкие и узкие, лучи его высветили поляну перед озером. В это же мгновение я понял, что пассажирский поезд подходил к соседней станции. Звук от стука колёс мой слух ещё не получил, но я знал, что поезд через минуту отойдёт от станции и через три километра остановится на моей. Мне хватит этой минуты, чтобы не кинуться ему навстречу.

Я пересёк поляну и забежал в лес. Широкие яркие солнечные полосы в разные стороны пересекали траву и доходили почти до моих ног, поэтому трава поделилась на жёлтые и зелёные дорожки, отмеченные круглыми ша-

почками цветов. Радость обрушилась на меня вдруг. Хотелось, чтобы это утро в сосновом лесу никогда не заканчивалось, а повторялось много раз в моей жизни, чтобы я проживал эти счастливые мгновения не однажды.

Тихий ход поезда звучал всё отчётливей. Он разносился по-иному в сравнении с товарными поездами: мягкий и плавный, деликатный и женственный. Я отмечал в сознании его голос: да-да-да; да-да-да. Отгонял страшную мысль, что её в поезде может не оказаться, что она осталась там, куда уехала далеко и надолго. Нет, это она приняла решение, она выбрала между далеко и надолго мой сосновый лес, который станет нашим. Я не мог отказаться от счастья, которое возводил в своих мыслях и воспоминаниях, живописал и воссоздавал, пунктирно предъявлял себе наброски, раскрашивал и прорисовывал детально.

КОНСТАНТИН ЕЛАНЦЕВ

По имени «ЖИЗНЬ»

Почему люди в поездах становятся откровенными? Где-то прочитал, что так происходит потому, что собеседники знают: они никогда больше не встретятся. Поэтому вряд ли кто будет проверять истории, рассказанные под стук колёс, под храп какого-нибудь пассажира с соседней полки или хныканье ребёнка из соседнего купе. И совсем уж завораживают ночью огни проносящихся мимо станций и посёлков!

Напротив меня мужчина лет пятидесяти. На нижней полке, отвернувшись к стене, спит женщина. Мужчина, бережно поправив на ней покрывало, сидит рядом, приютившись на самом краю. Я кивком показываю ему: садись, мол, возле меня, рядом, но он отрицательно машет головой и, положив руки на столик, внимательно смотрит в окно.

Спать пока не хочется. Вчера отоспался у друга, бездельничая весь день. Поэтому я внимательно присматриваюсь к своему безмолвному собеседнику, который за два часа нашего вынужденного соседства не произнёс ещё ни одного слова.

Я вздыхаю и отправляюсь в тамбур покурить. (Тогда ещё в поездах курить разрешалось.) Знаю, чувствую, что сосед обязательно выйдет следом, потому что почувствовал я в его сердце какую-то тяжесть, разглядел в тёмном вагоне потаённую тоску в глазах, печаль...

Протянув ему зажигалку, отворачиваюсь к окну.

– Тебя как зовут? – мужчина глубоко затягивается и медленно выпускает из ноздрей дым.

– Георгий.

– А я Фёдор. Такое вот имя дурацкое родители дали!

– Ну почему же дурацкое? – Я удивлённо смотрю ему в глаза. – Имя как имя!

Фёдор усмехается и снова глубоко затягивается сигаретой. Немного колеблется.

– Ты писатель? Я, кажется, знаю тебя. Волжский? Георгий Волжский.

– Ну да.

– Читал ваши книги. Очень они мне нравятся! Извините! – Фёдор переходит на «вы». – Всё гадал, а теперь вижу.

– Ладно тебе, давай на «ты»! Мы примерно ровесники, да и знакомимся в интересной обстановке!

– Да уж...

Мы закуриваем ещё по одной. Дымим нещадно, наполняя тамбур сизой едкой завесой. Благо, все спят, и ворчать на нас некому!

– Ты веришь в любовь? – приблизив ко мне своё лицо, внезапно спрашивает Фёдор.

– Конечно.

– А если это чужая жена?

– Как это? – мне становится интересно.

– Хочешь, историю расскажу? Может, напишешь чего-нибудь... Только имя моё не упоминай, не надо! – Он внимательно смотрит на меня и ждёт ответа.

Я утвердительно киваю.

– Представь: жил себе человек. Город большой, квартира красивая. На работе ценили так, что начальство чуть ли в рот не заглядывало. Специалист, одним словом! И семья у него вроде бы положительная. По выходным за город выезжали на своей машине. От друзей отбоя не было! Словом, замечательная жизнь! В достатке! Живи и радуйся!

– Ну и...

– Однажды вот так же в поезде встретил этот человек ЕЁ! – Фёдор вдруг опускает глаза, но продолжает рассказ: – Просто сел рядом и... замер. Слова сказать не может, а смотрит, и всё! Как земля перевернулась с ног на голову!

– Это она, там в вагоне?

Фёдор не отвечает на мой вопрос.

– Знаешь, сколько она со мной вынесла?! То ли вину за собой чувствую, то ли грех... Она ведь не привыкла к такой жизни. У неё и муж из небедных, и дети с положением! А я что?.. В общем, считай, в том вагоне новая семья сложилась! Хотя...

– Что?

– Она до сих пор чужой женой числится, так вот!

– Но ведь развестись можно!

– Это тебе кажется, что всё так просто... Я-то развёлся, ни разу не пожалев об этом! С ней другая ситуация... Понимаешь, муж у неё за границей, ему никак разводиться нельзя. Вот она и жалеет его, наверно. Написала ему, рассказала всё. Не знаю уж, как он там перенёс всё это, а только дети от неё отвернулись. Ни звонят, ни пишут... А мне – главное, чтобы рядом была! Что б видеть мог её каждый день, за руку держать...

Я ошарашено вынимаю очередную сигарету. Фёдору протягиваю тоже.

– Знаешь, – вагон сильно качает, и огонёк пляшет прямо перед моими глазами, – всё время мечтаю, что когда-нибудь закончатся наши мытарства, и мы вернёмся в свой дом, который построю своими руками. Красивый, уютный! Мы ведь с ней и от бандитов бегали, и чуть не замёрзли на Севере! Может, и жив потому, что Надюшка всё время рядом. И нельзя мне расслабляться, чтоб ненароком не осталась она в одиночестве, без защиты! И

ещё... знаешь, Волжский, трудно начинать, когда тебе за пятьдесят!

– А сейчас куда?

– На Дальний Восток... Может, там найдётся нам место под солнцем. Руки специалиста везде ведь нужны, правда?

– Конечно...

– Ладно, спать пора... Вторые сутки не сплю, всё думаю.

– Давно вы?..

– Давно... Пятый год пошёл, а всё, как в первые дни, вместе! Только вот до сих пор ни кола, ни двора. За что не возьмусь – всё из рук валится! Может, во мне дело, Волжский? Только одно знаю: Надюшка и жизнь – это для меня одно и то же... Так вот!

Фёдор ушёл в вагон, а я, смяв выкуренную пачку, всё пытаюсь разобраться в поступках и зигзагах судьбы этих людей. Где правда, где вымысел – вряд ли когда придётся мне разгадать. Но вот очередную человеческую трагедию я уже знаю. Хотя трагедию ли?..

Вернувшись в вагон, долго смотрю на Фёдора, который, положив голову на сплетённые на столе руки, крепко спит. Мне становится завидно, потому что даже здесь он остаётся верным стражником своего так поздно встреченного счастья, своей Надюшки... И в этих скупых его фразах, отрывочных и порой недосказанных, я вижу всю их жизнь, странную и непонятную, но в которой присутствует самое главное – любовь...

Я так и не увидел лица этой женщины. Наверное, красивое. На горе или на радость, но ведь для чего-то встретились эти два человека?!..

Через полчаса я выхожу в небольшом уральском городке, и мы никогда больше не встретимся.

Яков Каплан

Лиличка

...Когда она появилась, стало сразу видно, что она немного того. Она постоянно и умильно улыбалась и пыталась смотреть прямо в глаза. Она задавала разные дурацкие вопросы и говорила, говорила без умолку. Так, что от нее невозможно было отвязаться, не сказав ей какую-нибудь бестактность. Но она как бы не замечала этого и вроде совсем не обижалась.

– Все будет хорошо, – ободряла она собеседника, и после этих ее слов оставалось только пожать плечами.

Наш начальник однажды буквально психанул.

– Я знаю, что у меня все будет хорошо! – закричал он. – А вот тебя, твою мать, я уволю, если ты сейчас же не пойдешь работать!..

– Да-да, конечно, – любезно согласилась она, – только я забыла – куда идти...

Она была уже далеко не юной особой. Но челочка ее молодила и делала немного привлекательной. Называли ее Лиличкой. Возможно, потому, что она не казалась взрослым человеком и иногда напоминала начинающий вянуть цветок – скорее всего, полевой.

Я обычно заканчивал работу на несколько часов позже, чем она. Но как-то ее оставили во вторую смену. И мы вышли из здания почти одновременно. Я медленно брел к автобусной остановке, выжатый как лимон после двенадцатичасового рабочего дня. Мимо меня, не замечая, пропорхнула Лиличка и через мгновение буквально уткнулась в высокого нескладного мужчину с палочкой.

– Сенечка, миленький, – щебетала она, – ну зачем? Зачем ты вышел? Тебе ж нельзя, тебе еще надо лежать.

Он стоял, ничего не говорил и только гладил, как кошечку, ее по голове. Он смотрел на нее сверху вниз, а она на него – снизу вверх, выглядело это нелепо, но глаза их искрились, и между ними было какое-то электричество. Он был некрасив, как и она, и тоже казался не совсем нормальным человеком...

И все-таки у меня мелькнула мысль: чтобы так смотреть друг на друга, стоит быть сумасшедшими...

НИНА ГАВРИКОВА
НА РЕСНИЦАХ СЕРЕБРИТСЯ ИНЕЙ

– Феодосия Федоровна, пора домой, – умоляюще прошептала Люба.

– Подожди, вот Варвара придёт, – ответила сотрудница, которой не хотелось идти домой.

Дверь в кабинет со скрипом отворилась; медленно, чуть покачиваясь, вплыла Варя, подмышкой она держала завернутую в газету стеклянную ёмкость.

– Ну, всё. Теперь до утра здесь придётся зависнуть, – посмотрела в очередной раз на циферблат Люба: стрелки сошлись на двенадцати.

– Не грусти. Пойдём, я тебя провожу, – пришёл на помощь Евдоким.

Миновав проходную, они вышли на набережную. Снежный палантин берега резко обрывался, провалившись в темноту ночной реки. Тротуар освещался фонарями, на их фоне белоствольные красавицы в серебристых накидках, переливающихся разноцветными огоньками на свету, напоминали сказочных фей. Феи, склонившись в реверансе, приветствовали прохожих. Мужчина и женщина шли – как пионеры, на расстоянии друг от друга, и молчали.

Евдоким первым прервал паузу:

– Почему ты так волнуешься? – тихонько тронул Любу за локоть.

Та, неожиданно остановившись, вспыхнула:

– Договаривались же только до десяти часов посидеть, и по домам. Моё назначение отметили, за день рождение Петра Петровича выпили. За наступающий Новый год пять раз опустошили бокалы, что ещё? – Она подняла голову.

Холодный малахит её глаз встретился с тёплым лучиком его томных кристаллов. Лучик проник глубоко в сердце и огромной волной расплеснулся по всему организму – создалось впечатление, что внутри сорвало клапан, который сдерживал эмоции и чувства. Люба отвернулась. Он был красив, как Аполлон! Длинные, вьющиеся волосы, торчащие из-под шапки, и бархатистые ресницы покрыла изморозь. Для полноты картины ему не хватало только венка или ветви лавра. Ким положил руки ей на плечи и повернул к себе.

– Глупая, чего испугалась?! – его сладостная речь лилась, как горячий чай переливается из чашечки в блюдечко и обратно. – Я не могу понять, чего ты боишься?

– Мужа! Он там сидит с детьми, ждёт меня, а я... – не успела договорить, как он крепко прижал её к себе.

Люба уткнулась носом в широкую грудь. Аромат знакомого парфюма дурманил голову. Сделав усилие над собой, Люба вырвалась из цепких объятий и побежала к дому.

Ким догнал и преградил путь:

– Ладно, прости! Больше не буду! Провожу до подъезда и пойду домой.

– До подъезда? А если муж в окно смотрит? Нет, вот до того дома, дальше я сама уйду.

На углу дома он опять легонько тронул её за локоть, Люба нерешительно подняла глаза.

– После праздников встретимся на работе. Хмель выйдет, самому же стыдно будет!

– Не будет! Я буду ждать тебя столько, сколько нужно, ты всё равно будешь моей...

– Ни-ког-да! – лукаво улыбнувшись, прошептала Люба и пошла прочь.

Она спиной чувствовала его тёплый, будоражащий сознание взгляд. Захлопнув дверь подъезда, замерла в неспешительности. Что же с ней случилось?..

Вспомнились события недельной давности – к ней подошла Фёдоровна и с ехидной иронией спросила:

– Не знаешь, где Ким задерживается? Говорят, вчера к нему в кабинет на велосипеде приезжала Софья, это та, что работает в пищеблоке.

– Что, прямо на велосипеде и в кабинет? – съёрничала Люба, тогда ей было абсолютно безразлично, кто к кому и когда ездит.

А сейчас? Она поймала себя на мысли, что сейчас она готова ползти на край света, только чтобы Ким был рядом, она не хотела делить его – ни с кем. «Ни с кем?!.. – эхом отозвалась последняя фраза. – Да он же женат! Господи, что делается? Вот попала, так попала».

– Кто там? – Муж спускался по лестнице.

– Я! Ноги от снега отряхивала, – нашла Люба.

– Вроде мороз на улице, – не понял он.

– Да, ладно, пойдём спать, так устала.

– А ты чего так долго?

– Так получилось, – объяснять ничего не хотелось.

...

Дни тянулись мучительно долго, душа рвалась на работу, чтобы прочесть Киму стихи, которые неожиданно сочинила:

*На ресницах серебрится иней,
Ты его, пожалуйста, не тронь.
Я хочу быть для тебя Богиней,
Чтоб разжечь в душе любви огонь.*

В Новогоднюю ночь Люба первый раз в жизни не знала – какое загадать желание, потому что своего желания она стеснялась и боялась...

ТАТЬЯНА БУГАЕЦ

Полнота Любви

«Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...» – этой забытой песне уже более полувека, но кажется, её слова не утратили смысла.

В представлении некоторых людей, любовь – это сочетание эмоций, страсти и романтики. Влюбившись, человек будто сваливается в «реку» бурных чувств: «бабочки» в животе, блеск в глазах, состояние лёгкого сумасшествия...

– Он такой! – восторгается девушка понравившимся парнем. – Когда я его вижу, не могу дышать!

Возлюбленный представляется ей идеальным, и только окружающие понимают, что это лишь влюблённость, которая часто возникает и проходит внезапно, как сезонный ринит.

– Боюсь, это не любовь, а просто... астма, – отвечает ей отец.

Но дочь не внемлет, потому что её мозг будто отключён. Что происходит? В организме юной леди разыгрались так называемые гормоны любви: дофамин и окситоцин. Она влюблена. Со временем состояние эйфории, которое казалось ей вечным, рассеивается, как утренний туман, и вот уже: «был милый, стал постылый». Не зря говорят, что зачастую влюблённость – это ничто иное, как переодетое себялюбие. Мы любим себя в других, или же то состояние, которое испытываем рядом с ними. Что же касается настоящей любви, то «даже большие воды не могут потушить её, и реки не зальют её», – звучит в Песне Песней, которую царь Соломон посвятил своей возлюбленной Суламите.

«Любовь преодолевает даже законы гравитации», – говорил Альберт Эйнштейн. А посему, можно предположить, что, если любовь заканчивается, то, скорее всего, она ещё не начиналась.

Но где её найти?

Французский писатель Франсуа де Ларошфуко сравнивал любовь с привидением, о котором все говорят, но мало кто видел. Известный русский писатель Александр Куприн вторит ему через столетия в произведении «Гранатовый браслет»: «Не вижу настоящей любви. Да и в моё время не видел».

Что же это за редкое чувство, или состояние – любовь? Воздух, без которого невозможно дышать, или вечная боль? Она ослепляет, или делает зрячим? Любовь – это белоснежный эдельвейс, способный вырасти даже среди горных скал, или бутон нежной магнолии, погибающий от малейших заморозков?

Мы добавляем слово «любовь», как соль, в разные предположения: «я люблю пончики», «мы любим детей», «она любит фиалки». При этом наша любовь к детям вряд ли стоит на одном уровне с нашей любовью к пончикам, хотя для выражения своих чувств мы употребляем одно и то же слово.

Другое дело – древние греки. Они отличались утончённостью в различении «высоких понятий». Для выражения любви к кому-то или к чему-то греки употребляли не одно, а семь разных слов. Широко известны из них четыре. С одной стороны, это удивительно. Но с другой стороны, ведь и соль бывает с разным вкусом: гималайская, сванская, чесночная и даже лимонная!

«Мне ухаживать некогда, – «бросает» в сторону заманчивой красотки герой-любовник из известного кинофиль-

ма. – Вы привлекательны, я – чертовски привлекателен. Чего зря время терять? В полночь – жду!»

Как так? Мужчина воспылаал страстью к женщине, невзирая на то, что она замужем, и сделал ей недвусмысленное предложение?

Всё просто: сердцею овлдел Ἔρως («бог любви», в греческой мифологии), и теперь он видит цель, и не видит препятствий. Хотя Эрос часто романтизируют, необходимо подметить, что без сердечной привязанности он представляет собой лишь похоть тела, удовлетворив которую, человек нередко испытывает душевную опустошённость.

Другое дело – «филео» (φιλία).

«День, проведённый без друга – как горшок, в котором не осталось ни единой капельки мёда», – говорил мультяшный персонаж Вини Пух своему неизменному другу Пятачку.

«Филео» – это о настоящей дружеской привязанности: «друг в беде не бросит, лишнего не спросит».

В одной из моих любимых исторических книг описывается дружба между юным пастухом Давидом и сыном израильского царя Саула – Ионафаном. Саул был одержим идеей убить Давида, но Ионафан всегда спасал своего друга от рук кровожадного отца. Когда Ионафан погиб в неравной битве с филистимлянами, Давид сильно о нём горевал: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской».

В наше время «злые языки» пытаются превратно истолковать эти слова в пользу людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией: дескать, между Давидом и Ионафаном была порочная связь. На это хочу сказать, что не стоит отвечать глупцам по их глупости.

А мы пойдем дальше «на гору» исследований вокабуляра древних греков.

Когда мой муж готовит мне кофе, то добавляет в него сироп агавы, поскольку знает, что я не употребляю сахар. Каждый год свекровь присылает нашим дочерям домашнее варенье со своей фирменной наклейкой. В свою очередь, они радуют её неожиданными подарочками. Такие отношения называются по-гречески «сторге» (στοργή) – тёплые отношения между родственниками.

И вот, мы приблизились к вершине «горы» любомудрия древних греков.

В известном стихе Септуагинты: «Ибо так возлюбил (ἠγάπησεν) Бог мир, что отдал Сына своего Единородного...» употреблено производное от древнегреческого слова ἀγάπη.

Почему «агапе» (ἀγάπη) называют «царицей любви»? В каком-то смысле, ἀγάπη – «не от мира сего». О такой любви сказано, что она «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...» Это любовь жертвенная, отдающая.

Когда-то мне в уборке дома помогала девушка. Я знала, что она сирота, зарабатывает деньги на учебу. Иногда мне приходилось перетирать после неё мебель, но я никогда не давала ей об этом знать. Почему? Потому что ἀγάπη милостива. Изучая польский язык, я с удивлением для себя открыла, что любовь на польском звучит как «miłość».

Моя подруга работает в Норвегии в хосписе, ухаживая за страдающими деменцией стариками. Плата за труд не высока, но ею движет ἀγάπη – сострадание к этим людям, и они это чувствуют.

В наше время народы враждуют, ненавидя друг друга. Однако во всех нациях есть люди, которые хранят свои сердца от зла и тем самым, как минимум, не умножают его в себе. Любовь ἀγάπη не мыслит зла и не радуется неправде.

Αγάπη – это животворящее начало, созидательное присутствие некоей высшей реальности. Его могут видеть (ощущать) и слышать даже слепые и глухие.

Психологи говорят: «чтобы любить других, надо полюбить себя». Казалось бы, верное утверждение, близкое по смыслу заповеди: «возлюби ближнего, как самого себя». Но при близком рассмотрении эта заповедь констатирует, что человек уже в той или иной степени любит себя. И хотя бы в этой степени (которая у всех разная) нам и предлагается поделиться любовью с ближним. Αγάπη зарождается в сердце, отвергающем эгоизм.

Если же мы заняты исключительно собой, то превращаемся в «стоячее болото». Мёртвое море в Израиле называется мёртвым, потому что только принимает воды из других источников, но ничего не отдаёт. Из-за этого ничто живое в нём не обитает.

Можем ли мы сами генерировать ἀγάπη? Нет, точно так, как смартфон не может генерировать энергию без зарядного устройства. Полнотой созидающей любви является Творец, и лишь в гармонии с ним мы можем источать ἀγάπη.

Если сделать заключение, то в отношениях между людьми, и особенно в отношениях супружеских, важны все оттенки любви, распознанные мудрыми греками. Но всё же без «несущей конструкции» в виде любви отдающей, милующей, сострадательной, терпеливой – стены «дома»

нашей жизни вряд ли будут прочны. Любые ветры перемен могут поколебать или разрушить его.

Не напрасно о «царице любви» один мудрый человек сказал: «...если знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а ἀγάπη не имею, то я – ничто, и нет мне в этом никакой пользы».

Этой Любовью был сотворён мир. Она пребудет всегда, даже когда закончится время. И эта идея сквозь века отзывалась в сердцах тонко чувствующих людей творчества, которые облакали свои мысли стихами и песнями:

*Все пройдет: и печаль, и радость,
Всё пройдёт, так устроен свет.
Всё пройдёт, только верить надо,
Что Любовь не проходит, нет...*

Юлия Сак
НУЖНО ВСЕМ И ВСЕХ ЛЮБИТЬ

Говорят: «Хочешь изменить мир – начни с себя». В одном своем стихотворении я написала:

*Ты спросил меня однажды:
– Можно ль мир наш изменить? –
Я ответила: – Да, можно,
Нужно всем и всех любить.*

А ведь только любовь и дарит МИР! Если б каждый человек нес в душе любовь ко всему живому, вне зависимости от национальности, веры, вкусов и предпочтений, то на земле бы не было войн! Природа не терпит пустоты! Зло заполняет те места, где нет добра. Ненависть живет там, где нет любви. Мы все – люди, созданные по образу и подобию Бога, живущие на одной земле:

*Мы все родились в нашем мире,
Мы все зовемся – человек!
Не надо драться на турнире!
Добрее будет весь наш век!*

Ну разве это не парадоксально – убивать других за то, что они имеют иной цвет кожи или другую религию? Разве не парадоксально убивать друг друга за земли, национальность, язык? Разве люди виноваты в том, что родились неграми, евреями, русскими, украинцами, французами или турками? Разве виноваты в том, что кому-то колыбельную мама пела на русском, кому-то на украинском, кому-то на английском, и мы впитали в себя с молоком матери именно этот язык?

А как можно убивать за религию? Убийство – смертный грех! Так какие же это верующие, если убивают людей другой религии за то, что те верят по-своему?

А зачем убивать людей за земли, недвижимость, ценности? Мы все равно не заберем это с собой на тот свет, а бессмертных нет.

А убийства или увечья из-за разногласий? Разве это норма? Мы все разные, и много не дано, но надо же как-то мириться с этим. Иначе можно всех поубивать. И если бы в наших душах жила любовь, то подобные ужасы обошли б нас стороной, так как любят ни за что-то, а вопреки.

Мир создан совершенно – для радости и добра. Прекрасны по-своему все национальности, культура любой страны, языки. Вне зависимости от национальностей, вероисповеданий есть люди хорошие и плохие. Да, люди созданы по образу и подобию Бога, однако при всем Божественном совершенстве замысла и воплощения человека, именно из-за людей в мире происходят самые страшные беды. Еще в одном моем стихотворении есть такие слова:

*Как может быть среди красы
Великих замыслов, творений
Уничтожение мечты
От зла людей и злобных мнений?*

Если человек создан по образу и подобию Бога, то он должен быть творцом, а не разрушителем. Он должен быть сгустком любви, а не зла. Он должен создавать прекрасное, доброе, вечное для улучшения жизни человечества, а не придумывать оружие, казни, пытки для уничтожения всего земного. Сколько изощренных фантазий было потрачено на изобретение различных пыток, казней. А вот эту бы фантазию да в мирных целях!

Есть такая фраза: «*Красота спасет мир*». Да потому что все божественные замыслы и творения прекрасны, од-

нако... В средневековье красивых женщин казнили, называя их ведьмами. Не парадокс ли? Конечно, ведьма тоже может быть красивой, но изначально красота – Божественное творение! Как можно уничтожать красоту? Неужели, по мнению живущих тогда людей, наш мир должен был быть уродливым?

А как можно делать зрелище из кровавых боев, поединков? Как можно восторгаться жестокостью? Как можно ликовать при виде крови?!

Всякого рода жестокость присутствовала во все века, во все времена и в любой части земли. И ужасно еще то, что те люди, которые создавали, творили, делали великие открытия, тоже часто становились жертвами агрессивной, недалекой и завистливой части населения.

Однако, не смотря на сложности, нужно быть творцом своей жизни, источником добра, любви, и живительной каплей в большом океане жизни! Вода камень точит. И если каждый человек будет лить на злой камень добро и любовь, то в камне появятся изменения, сгладятся острые углы. А если таких добрых потоков будет множество, то и камень преобразится.

То же самое происходит с агрессией, которая порождает новую агрессию, мутирующую в различные формы зла. «Подобное притягивает подобное». Значит, нужно самому излучать счастье свет, а не зло и агрессию!

Для счастливой жизни начинать нужно с себя! Пусть вклад будет маленьким, но созидательным, и это шаг к великому! Есть такая фраза: «Что для себя, то на день, а что для людей – то на век!» И великий человек не тот, который имеет силу, оружие, власть, деньги. Великий человек тот, который излучает мир, любовь, свет и добро! Великий человек тот, который познает себя, свои таланты,

сильные и слабые стороны и пребывает в постоянном процессе самосовершенствования. Говорят, что в социуме намного тяжелее воздержаться от греха, чем в монастыре, но нужно стараться. Создавать внутри себя монастырь, райскую обитель и дарить ее через свои поступки, творения – миру! Именно в этом истинное величие человека, созданного по образу и подобию Бога! И в таком случае наша планета может стать райской обителью, где будут жить любовь, красота и МИР!

**«ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ —
ЭТО СПОСОБНОСТЬ БЫТЬ В МИРЕ С СОБОЙ».**

МАРК АВРЕЛИЙ

КАК ПРОЯВИТЬ В СЕБЕ ЛЮБОВЬ

Можно много говорить о том, что необходимо наполнить Мир любовью. Понимание потребности Мира в любви – это прекрасно.

Но вслед за тем встает вопрос: а как?

Разберемся!

Если ваша цель – жить счастливой, осмысленной и полноценной жизнью, крайне важно находить разные способы проявлять больше любви вокруг. В наше время, когда существует столько отвлекающих факторов, довольно сложно сосредоточиться на собственных потребностях, и поэтому мы часто пренебрегаем собой. Как сказала Эвелин Мэри Данбар (британская художница, иллюстратор и преподаватель, известна тем, что запечатлела вклад женщин в победу во Второй мировой войне в тылу Соединённого Королевства, в частности работу Женской сухопутной армии): «Каждый из нас уникален и важен по-своему. Наша привилегия и наше приключение – открыть в себе свой особый свет». Забота о себе необходима для нашего здоровья и счастья. Нет ничего эгоистичного в том, чтобы время от времени посвящать время именно себе, заниматься тем, что нравится.

Вот несколько простых способов стать более любящим человеком:

- Привносите любовь во всё, что вы делаете.
- Медитируйте.
- Будьте сострадательны.
- Будьте благодарны.
- Реализуйте свои мечты.
- Смотрите на красоту вокруг.

1. ОТКАЖИТЕСЬ ОТ ТЕХНОЛОГИЙ

Один из самых простых способов привнести в свою жизнь больше любви – отказаться от технологий хотя бы на 24 часа. При желании вы можете и дольше, но одного дня будет достаточно, чтобы сосредоточиться на собственных потребностях, вспомнить о мечтах и поразмышлять о том, кто вы и чего хотите. Просто отключите интернет, телефон и убавьте громкость на телевизоре. Вы ничего не упустите. Вы сможете разобраться со всем завтра, а сегодня просто расслабьтесь и получайте удовольствие!

Начните день размеренно – выпейте чашечку любимого чая или кофе, наслаждаясь каждым мгновением без отвлекающих цифровых устройств. Используйте время, чтобы заняться тем, что приносит вам радость или умиротворение, например, можно завести личный дневник или почитать книгу. Насладитесь тишиной и оцените настоящий момент, воссоединитесь с собой. Это время без гаджетов поспособствует самоанализу, ясности и более глубокому пониманию собственных устремлений. Создавая пространство благодати и отдохновения, вы откроете своё сердце для более значимых связей как с самим собой, так и с окружающими, а также разовьёте в себе чувство благодарности за простые радости жизни.

2. ВКЛАДЫВАЙТЕ ЛЮБОВЬ ВО ВСЁ, ЧТО ДЕЛАЕТЕ

Старайтесь проявлять любовь во всём, каким бы незначительным это ни казалось. Относитесь с энтузиазмом к каждой мелочи, будь то чистка зубов или выполнение иных задач! Просто уделяйте больше внимания каждой задаче и всегда старайтесь делать ее как можно лучше! Чем больше любви вы вкладываете в то, что делаете, тем счастливее вы будете.

Готовите ли вы еду или работаете над проектом – подходите к каждому занятию осознанно и с благодарностью. Сосредоточившись на моменте, вы позволяете себе по-настоящему проникнуться своими действиями, наполняя их положительной энергией и намерением. Даже самые обыденные задачи могут приносить радость и удовлетворение, если выполнять их с воодушевлением. Такое обостренное восприятие гарантирует, что вы не упустите красоту повседневной жизни, превращая обычные дела в моменты блаженства. Если вы будете находить время, чтобы ценить и наслаждаться каждым этапом своего пути, ваша жизнь станет осмысленной и наполненной любовью, питающей вашу душу и души окружающих людей.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Может ли практика благодарности помочь мне почувствовать больше любви?

Да, регулярное осознание того, за что вы благодарны, смещает фокус на положительные эмоции и повышает вашу способность любить.

Как сохранить позитивный настрой после расставания?

Позвольте себе восстановиться, извлечь уроки из этого опыта и с добротой и терпением открыться новым связям.

Может ли установление границ улучшить то, как я даю и получаю любовь?

Здоровые границы обеспечивают взаимное уважение, делая вашу любовь более крепкой.

Помогает ли медитация развить любовь?

Да, медитация способствует спокойствию и эмпатии, помогая вам с любовью относиться к себе и другим.

Как совместное времяпровождение с близкими людьми усиливает любовь?

Сосредоточенное, ничем не отвлечённое времяпровождение укрепляет связи и создаёт значимые воспоминания, которые улучшают ваши отношения.

Насколько важна любовь к себе для развития любви к другим?

Любовь к себе закладывает здоровую основу, благодаря которой вам легче дарить и получать любовь от окружающих.

Какие маленькие добрые дела я могу совершать, чтобы укрепить любовь?

Такие как комплименты, активное слушание или помощь нуждающемуся – могут укрепить отношения и взрастить любовь.

Нужно ли прощать, чтобы любить ещё сильнее?

Безусловно, прощение других и себя самого освобождает вас от негативных чувств, которые могут препятствовать проявлению любви.

Какую роль играет общение в развитии любви?

Открытое и честное общение способствует укреплению доверия и взаимопонимания, которые необходимы для глубоких, любящих отношений.

Как мне начать проявлять больше любви в повседневной жизни?

Начните с практики любви к себе и осознанности, которые помогут вам глубже ценить себя и других.

3. МЕДИТИРУЙТЕ

Многие знают, что 10 минут медитации в день могут творить чудеса. Это помогает меньше нервничать, лучше расслабляться и находить в себе силы преодолевать препятствия, которые могут возникнуть на вашем пути. Просто сядьте, сделайте несколько глубоких вдохов и очистите свой разум. Отпустите все тревоги, накопившиеся за день, и практикуйте медитацию, чтобы избавиться от беспокойства. Так вы научитесь проявлять больше любви и сострадания в своей жизни и сосредоточитесь на том, что действительно важно для вас.

Приобщившись к этой практике, вы станете ближе к своему внутреннему «я», что позволит вам установить более глубокие связи с окружающими. Медитация создает пространство для саморефлексии и самоанализа, что крайне важно для построения значимых отношений и поддержания эмоционального равновесия. Включите в свою практику управляемую медитацию, упражнения на осознанное дыхание или даже спокойную прогулку на природе, чтобы обогатить свой опыт. Помните, речь идет не о полном отключении сознания, а о признании своих мыслей и отпуске их без осуждения. Со временем вы заметите, что ваше общее самочувствие улучшилось, а жизнь стала более наполненной любовью и смыслом.

4. БУДЬТЕ СОСТРАДАТЕЛЬНЫ

Будьте сострадательны и принимайте других такими, какие они есть. Вы должны поступать так же и с собой! Не будьте своим злейшим критиком и не разрушайте собственное счастье! Поставьте себя на место других людей и попытайтесь понять их действия, даже если вы с ними

не согласны. Просто помните, что все мы разные и смотрим на вещи со своей точки зрения.

Подумайте о том, насколько важно проявлять эмпатию в повседневном общении. Искренне слушая других и принимая их чувства, вы создаёте атмосферу, в которой может расцвести любовь. Осознайте, что несовершенство – это общая человеческая черта, и что бывают дни, когда всё идёт не по плану. Относитесь к таким моментам с добротой и помните, что они способствуют росту. Даже простое спокойное присутствие рядом с человеком, которому может быть тяжело кардинально изменить свою ситуацию, напоминает ему о любви, которая не угасает даже в самые трудные времена. Отдавая предпочтение доброте, вы естественным образом привлекаете в свою жизнь больше любви и создаёте эффект положительной волны.

5. БУДЬТЕ БЛАГОДАРНЫ

Будьте благодарны за всё, что у вас есть, и научитесь ценить свои сильные стороны и таланты! Практикуйте благодарность, и вы будете больше концентрироваться на положительных моментах в своей жизни. Просто осознайте, как вам повезло быть собой. Вы действительно благословлены, так что чаще напоминайте себе об этом и больше любите себя! Малкольм С. Форбс (американский бизнесмен и политик от Республиканской партии, наиболее известный как издатель журнала *Forbes*, основанного его отцом Б. К. Форбсом) однажды сказал: «Слишком многие люди переоценивают то, чем они не являются, и недооценивают то, чем они являются», и он был абсолютно прав!

В конце концов, воспитание в себе чувства благодарности предполагает умение ценить каждое мгновение,

уважать свою уникальность и дорожить связями. Когда вы думаете о себе позитивно, вы естественным образом создаёте атмосферу любви. Каждый день уделяйте время на размышления о своих достижениях и значимых взаимодействиях. Поступая так, вы не только повышаете собственную самооценку, но и излучаете свет для окружающих. Представьте, что благодарность – это сад, в котором расцветает любовь; чем больше вы за ним ухаживаете, тем ярче становится ваша жизнь. Помните, что благодарное сердце открыто для любви во всех её прекрасных проявлениях. Сохраняйте этот настрой, и вы увидите, как расцветает любовь.

6. ВОПЛОЩАЙТЕ СВОИ МЕЧТЫ

Никогда не отказывайтесь от того, что делаете! Если это действительно важно для вас, сделайте всё возможное, чтобы это произошло! Лелейте мечты, сосредоточьтесь на них, наполняйте себя позитивными утверждениями, подбадривайте себя, и вы осуществите все свои мечты. Не бойтесь мечтать по-крупному! Верьте в свои силы, и вы добьётесь успеха во всём, что делаете!

Верьте в силу своих стремлений, и перед вами откроются возможности, которые вы даже не могли себе представить. Визуализируйте свои мечты как реальность и воспринимайте трудности как ступеньки на пути к цели. Окружите себя людьми, которые вдохновляют вас, и черпайте вдохновение в их историях. Уделяйте время обучению и развитию, и пусть ваша страсть придаст вам смелости, необходимой для достижения невероятных целей. И да, примите неудачи – это просто уроки, которые приближают вас к вашим целям. Будьте терпеливы и настойчивы, и наблюдайте за тем, как Вселенная под-

страивается под ваши желания. Помните, что вы сами творите свою судьбу.

7. СМОТРИТЕ НА КРАСОТУ ВОКРУГ

Всегда старайтесь видеть красоту вокруг себя! Если вы решите сосредоточиться на положительных моментах в жизни, то сможете привнести в своё окружение больше любви и сострадания, доставить радость другим людям и сделать счастливым себя. Будьте здесь и сейчас и замечайте всё прекрасное. Вы действительно можете найти счастье в мелочах, ведь истинная красота заключается в простоте.

И в заключение: нельзя не согласиться с Буддой, который сказал: «Прежде чем полюбить другого, полюби себя. Если вы принимаете себя и остаётесь собой, ваше простое присутствие может сделать других счастливыми. Вы сами, как и любой другой человек во всей Вселенной, заслуживаете любви и привязанности».

Содержание

С. Романова: Все в мире непрочно, кроме любви	4
Члены жюри	6

Любовная лирика

Вячеслав Девятков: «Но и ты, для кого моя нежность уставшая светит...»	8
Екатерина Яковлева: Обнаженный смысл	9
Евгений Прудченко: Фонтаны	10
Лада Карицкая: Вокзал	12
Галина Шубникова: «А ты не жди, что я приду весной...»	13
Константин Еланцев: Хранительница	14
Алекс Алдар Седельник: Вдыхаю я осень	15
Галина Таланова: Бежит вода, качая свет и тени...	16
Антон Тюкин: Городская метафизика	18
Михаил Ланда: «Два невинных наивных создания...»	20
Юлия Капустина: «Сплетаться пальцами – одно...»	22
Александр Клюквин: Человеку нужен человек	23
Юлия Сак: Эдем любви	24
Анатолий Ерошкин: Безрассудство любви	26
Яков Каплан: Только ты снизошла...	27
Нина Гаврикова: Кармашек счастья	28

Философия любви

Анатолий Ерошкин: Ледяная феерия	30
Ирина Карнаухова: Странная пара	36
Мария Ерёмина: Последний противник повержен	42
Наталья Колмогорова: Национальные особенности села	48
Алина Наджафова: Как Митька клад обрел	55
Галина Таланова: Полнолуние	61
Татьяна Васильева: Любовь Анны	66
Юрий Гаврилов: Тропинка домой	68
Нина Дерябина: Лето в сосновом бору	70
Константин Еланцев: По имени «жизнь»	76
Яков Каплан: Лиличка	80
Нина Гаврикова: На ресницах серебрится иней	82
Татьяна Бугаец: Полнота любви	85
Юлия Сак: Нужно всем и всех любить	91
Как проявить в себе любовь	96

© Коллектив современных авторов
Литературный альманах «О любви»
(на основе конкурсных работ)
Выпущено под патронажем
Содружества литераторов России
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

© Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-428-1

